

ПУБЛИКАЦИИ

Ю. Г. Виноградов

ДРЕВНЕЙШЕЕ ГРЕЧЕСКОЕ ПИСЬМО С ОСТРОВА БЕРЕЗАНЬ

КОГДА известный австрийский эпиграфист А. Вильхельм переиздал в 1904 г. первое ставшее известным науке письмо на свинце, он назвал свою статью «Древнейшее греческое письмо» (*Der älteste griechische Brief*). Впоследствии на свет появилось еще несколько не менее древних писем. Но раскопчный сезон 1970 г. на о-ве Березань ознаменовался новым особенным открытием — автору этой статьи, принимавшему участие в работах Березанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством К. С. Горбуновой, посчастливилось сделать интересную находку — древнейшее греческое письмо на свинцовой пластинке, свернутой в свиток, обнаруженное не при раскопках, а случайно, — в обрыве крутого берега. Место находки расположено в юго-восточной части острова, за маяком, на берегу, обращенном в сторону гор. Очакова. В этом месте культурный слой сходит на нет и несколько южнее совсем исчезает — в древности здесь была окраина поселения. Разведочный шурф, заложенный позднее на месте обнаружения письма, показал, что слой толщиной примерно 0,5 м состоит из твердого глинистого грунта с включениями отдельных мелких фрагментов невыразительной амфорной керамики, не поддающейся датировке. Свинцовый свиток находился, однако, не в самом слое, а в яме (сначала, вероятно, зерновой, а потом превращенной в свалку для мусора). Профили двух таких ям трапециевидной формы четко выделяются в береговом обрыве в нескольких метрах к северу. Однако эта яма не просто обвалилась при абразионном разрушении берега, но, будучи заполненной мягким грунтом, вероятно, была еще и промыта дождевыми водами, которые образовали на ее месте небольшую ложину, спускающуюся вниз на несколько метров. Поэтому при ее исследовании выяснилось, что слой, ее заполнявший, целиком исчез. Тем не менее, в этой ложине в непосредственной близости от места залегания свитка еще до шурфовки был обнаружен фрагмент расписного сосуда, о котором речь пойдет ниже.

Таким образом, археологический контекст находки ясен целиком и полностью — письмо попало с другим мусором в яму, прорезанную в синхронном ей однородном, почти стерильном слое на самом краю поселения.

Находка поступила в Государственный Эрмитаж, где свиток был развернут и реставрирован. Необходимо отметить, что только благодаря

Рис. 1. Древнегреческое письмо на свинцовой пластинке с о-ва Березань (в развернутом виде)

Рис. 2. Свинцовый свиток до разворачивания. Адрес

Рис. 3. Свинцовый свиток до разворачивания (вид с торца)

великолепному мастерству реставратора О. В. Васильевой для науки сохранен ценнейший документ, подвергшийся разрушительному влиянию времени. В первоначальном виде предмет представлял собой свинцовую пластинку, свернутую в свиток в 3—4 витка, длиной 65 мм и внешним диаметром около 17 мм (рис. 1). В развернутом виде пластинка имеет форму прямоугольника с закругленными углами размером 153 × 65 мм и толщиной (после реставрации) 1 мм. На внутренней стороне рукой автора письма был нанесен текст послания, после чего пластинка была скатана в свиток и на внешней стороне (in tergo) был надписан адрес. Высота букв текста и адреса 2—4 мм, только в последней строке основного текста из-за недостатка места писавшему пришлось уменьшить высоту шрифта до 2—3 мм. Документ предстает в исключительной сохранности — не пропало не только ни одной строчки, но даже ни одной буквы текста. Повреждено лишь несколько букв, попавших на трещины, неизбежные из-за ветхости материала, да в последней строке текста из-за коррозии частично отломались две буквы. Повреждения эти настолько незначительны, что они не изменили существенно облика порченных букв, так что последние легко восстанавливаются (это хорошо видно по фотографии). Таким образом, вряд ли можно сомневаться в предложенной ниже транслитерации текста.

Текст послания был написан в 13 строк (рис. 2), по левому краю пластинки проведена по линейке вертикальная черта, служившая, вероятно, отметкой для более ровного расположения строк относительно их начала. В то же время концы строк находятся на самом различном расстоянии от правого края — некоторые оставляют довольно значительное свободное пространство, в котором могло бы поместиться даже целое слово. Строки 1 и 12 загибаются соответственно вверх и вниз, следуя скругленным углам пластинки. Интересно, что все строки оканчиваются на полные слова — даже в одном месте (стр. 3), где резчику не хватило места для окончания имени, он предпочел не перенести его на следующую строчку, а подписать под этой же оставшейся три буквы в манере бустрофедона. Иную картину мы наблюдаем в адресе на обороте (рис. 3): здесь писавший распределил три строки по всей длине свитка (соответственно по ширине пластинки), причем не побоялся переноса в первой строке. Вместе с адресом письмо состоит из 110 слов и 526 букв.

После изучения оригинала можно предложить следующую транскрипцию и эмендации текста (обоснование такого чтения и, соответственно, интерпретации дается ниже)*.

- ¹ Ω Πρωταγόρη, ο πατήρ τοι επιστέλλε· ἀδικεῖται
 ὑπὸ Ματάσσος, δολοῦται γάρ μιν καὶ τὸ
 φορηγροῖσιν ἀπεστέρησεν. ἐλθὼν παρ' Ἀναξαγό|ρην ←—
 ἀπήγησαι, φησὶ γάρ αὐτὸν Ἀναξαγόρευ
² δολὸν ἔνχι μυθόμενος·, τὰμ' Ἀνα(ξ)αγόρης ἔχε·
 καὶ δολὸς καὶ δόλας κοίχιας“, ὁ δὲ ἀναβῶι τε
 καὶ οὐ φησιν ἔνχι οὐδὲν ἑωυτῶι τε καὶ Ματάσ(υι)
 καὶ φησιν ἔνχι ἑλσῶθερος καὶ οὐδὲν ἔνχι ἑωυτ(ῶ)ι

* В работе над чтением и интерпретацией документа мне во многом помогли и содействовали своими советами, предложениями и консультациями Е. Б. Веселаго, Э. Л. Грейс, К. К. Зельин, Г. А. Таронян, М. К. Трофимова. Лучшей благодарностью с моей стороны явилось бы признание того, что предлагаемое чтение и понимание текста — плод коллективного сотрудничества всех перечисленных специалистов. Особенно хотелось бы отметить активную помощь Э. Л. Грейс, которой я обязан многими сведениями из области древнегреческих социально-правовых отношений. Выражаю также свою глубокую признательность заведующей отделом античного искусства Гос. Эрмитажа и руководителю Березанской археологической экспедиции К. С. Горбуновой, дружеская помощь которой содействовала успешной обработке надписи.

καὶ Ματά(τα)σου(ι). τί δὲ αὐτῶι τε κ' Ἀναξαγόρη αὐτοῖ
 10 οἶδασι κατὰ σφᾶς αὐτὸς. ταῦτ' Ἀναξαγόρη λέγειν
 καὶ τῆ γυναικί. ἕτερα δὲ τοι ἐπιστέλλε' τῆμ μῆτέρα
 καὶ τὸς ἀδε(λ)φεῖς ἴσσοιν ἐν ἀρ(τ)' ἵνα τῆσιν ἀγῆν ἐς τῆμ πόλιν,
 αὐτὸς δὲ Εὐετορος ἐλθῶμ παρά μιν θυωρὰ κατκρίσεται.

In tergo: Ἀχιλλοδώρῳ τὸ μολί-
 βδιον παρά τὸμ παῖδα
 κ' Ἀναξχορήν.

Стк. 3 — Ἀναξχο|ρήν: — ρήν написано бустрофедоном.

Стк. 4 — ἀπήρησαι: сперва вместо первой η была написана α, а потом уже переправлена.

Стк. 5 — Ἀνα(ξ)χορής: ориг. — ΑΝΑΓΟΡΗΣ.

Стк. 7 — Μχτάς(οι): ориг. — ΜΑΤΑΣΙΝ.

Стк. 8 — ἐωστ(ῶ)ι: ориг. — ΕΩΥΤΑΙ.

Стк. 9 — Ματά(τα)σου(ι): ориг. — ΜΑΤΑΤΑΣΥΕ; τί δὲ: ориг. — ΔΕΤΙ.

Стк. 12 — ἀδε(λ)φεῖς: ориг. — ΑΔΕΦΕΥΣ; ἀρ(τ)': ориг. — ΑΡΒ; τῆσιν: сначала, как в стк. 4, была поставлена α, а потом уже переправлена на η.

Очень важен вопрос о датировке документа. Письмо написано шрифтом, который может относиться ко второй половине VI и первой половине V в. до н. э. Особенно характерны для указанного времени формы таких букв, как *альфа* с перекладной, имеющей легкий наклон вправо, но не

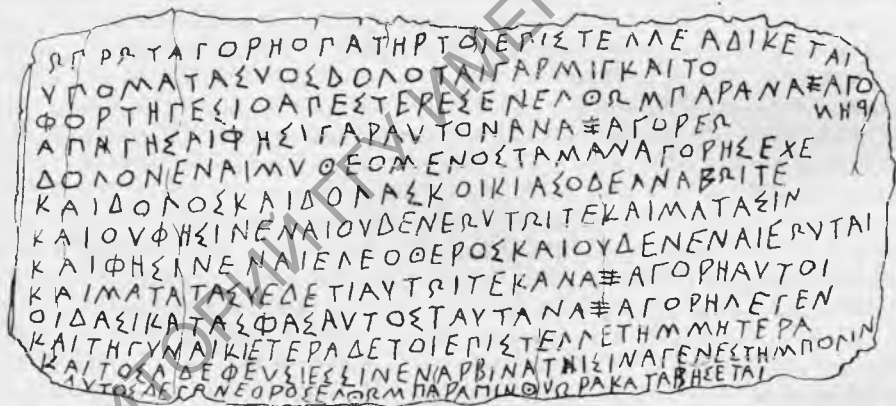

Рис. 4. Прорис текста письма на свинце

смыкающейся с концом правой наклонной гасты; *дельта* имеет перекладную с легким уклоном влево, что объясняется, по-видимому, скорописью; *эпсилон* также слегка наклонен вперед, однако параллельные гасты его уже горизонтальны и не имеют того наклона, который наблюдается в первой половине VI в.; *тета* — с точкой, а не с перекрестием, но, тем не менее, это не должно рассматриваться как признак более позднего времени — в алфавите некоторых центров подобное явление встречается уже в VIII в., кроме того, оно присутствует в надписи одного родосца из Ольвии, датированной началом VI в.¹; у *каппы* нижний усик немного короче верхнего и расположен почти перпендикулярно к вертикальной гасте; у *лямбды* правая гаста заметно короче левой — это уводит ее в глубь VI в.; у *мю* средние палочки, как правило, не доходят до уровня основания крайних, но почти всегда смыкаются так, что кончик правой средней гасты продолжает немного ниже места их соприкосновения — это также признак

¹ См. СА, 1974, № 2, стр. 232—238.

VI в.; *ню* всегда имеет наклон вправо, причем крайние черточки выступают соответственно вниз и вверх за общие габариты буквы; поперечная черточка *кси* перекрещивает три параллельные равные линии так, что концы ее выступают сверху и снизу; *омикрон* по своим размерам лишь немного меньше остальных букв; у *пи* перекладина слегка наклонена влево и правая вертикальная гаста короче левой, что, впрочем, наблюдается и в более позднее время; *ро*, как и *бета*, имеет оригинальную скорописную форму с уголком вместо полукружия, которому иногда приданы мягкие скругленные очертания, *сигма* в общем характерна для VI—IV вв., но

ΑΧΙΛΗΩΔΩΡΟΤΟΜΟΛΙ
ΒΔΙΟΝΠΑΡΑΤΟΜΠΑΙΔΑ
ΚΑΛΑΞΑΓΟΡΗΝ

Рис. 5. Прорись адреса

имеет несколько небрежный скорописный вид; *ипсилон* всегда имеет вид перевернутой *лямбды* классического периода; кружок *фи* довольно велик — он равняется по размеру *омикрону*, перекрещивающая его черта выступает сверху и снизу. Особенно интересна форма *омеги*, характерная для VI и V вв., — она имеет неравно наклоненные усики (часто расположенные чуть ли не под прямым углом друг к другу), но при этом она приобрела неряшливое округленное скорописное начертание. Все эти формы букв находят себе многочисленные параллели в памятниках VI—V вв. как из Северного Причерноморья, так и из Греции^{1а}. При этом надо учитывать, что палеография письма на свинце (к тому же, как у нас, скорописная) стоит ближе к палеографии граффити, чем к лапидарной. Формы же букв граффити прогрессировали быстрее и поэтому опережали в своем развитии лапидарные формы. Интересно уже упоминавшееся выше окончание стк. 3, выполненное в манере бустрофедон. Это говорит о том, что подобный способ письма совсем недавно исчез из употребления, что также заставляет отнести надпись к VI в. Ясно, что здесь бустрофедон — не простая прихоть писавшего, ведь он мог подписать эти буквы под строкой и слева направо.

Очень архаичный диалект надписи (см. ниже), не имеющий близких параллелей с эпиграфическими памятниками из Северного Причерноморья по обилию ионийских форм, также свидетельствует о VI в. как о времени составления надписи. И, наконец, решающим аргументом, на мой взгляд, служит археологический контекст. Уже упоминалось, что в самом месте находки письма был подобран фрагмент горла родосской амфоры с орнаментом в виде плетенки, датируемый VI в. до н. э. Он не может происходить ниоткуда, кроме той же ямы, в которую попало и письмо. Следовательно, все показатели в комплексе определяют дату разбираемого письма — вторая половина VI в. до н. э., самое позднее, конец этого столетия.

Прежде чем перейти к исследованию языка письма и его содержания, необходимо кратко остановиться на вопросе об употреблении в греко-римском мире писем на свинцовых пластинках. О существовании такого обычая и о его распространенности говорят упоминания древних авторов. До нас дошли свидетельства четырех писателей: Парфения (Parthen., IX, 5), Диона Кассия (Dio Cass., XLVI, 36), Плутарха (Plut., de mul. virt.,

^{1а} Ср. L. H. Jeffery, *The Local Scripts of Archaic Greece*, Oxf., 1961, стр. 325, табл. 63, № 8, 13; 64, 33, 50; 66, 61, 63; M. G u a r d u s s i, *Epigrafia greca*, I, Roma, 1967, стр. 259 сл., 261, № 3; 264, № 6; И. И. Толстой, *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*, М.—Л., 1953, № 10, 15, 41, 59, 108, 129; сб. «Ольвия», М.—Л., 1964, стр. 141 сл., рис. 8—10, 16, 17, 21, 35.

р. 254D) и Фронтин (Phront., Strat. III, 13, 7). Все эти авторы относятся к римской эпохе — I в. до н. э. — I в. н. э. При этом все письма, до нас дошедшие, принадлежат более раннему времени — VI—III вв. до н. э. Кроме разобранных здесь, мне известно еще четыре письма. Ранее других было найдено письмо из местечка Хаидари близ Дафни в Аттике, его впервые опубликовал Р. Вюнш², а затем повторно издал в новом чтении А. Вильгельм³. Это письмо, верно датированное обоими учеными IV в. до н. э., так же как и наше, имеет адрес. Однако в отличие от нашего оно было не свернуто в свиток, а сложено пополам, а потом на внешней правой стороне поперек пластинки был написан адрес. После обычных приветствий письмо содержит следующее (перевод автора по ревидированному изданию А. Вильгельма)⁴: некий Мнесиэрг просит, очевидно, из деревни, где его, по всей вероятности, застали зимние холода, своих домашних: «Если вы хотите послать какое-то покрытие (στραξιμα), то (пошлите) или овечьи, или козьи шкуры, как можно более простые (επιτελεστατας) и не покрытые мехом (μη σισυρωτας), и сандалии (или подошвы — κατοματα); при случае отдам».

Второе письмо происходит из коллекции очаковского собирателя отца Левицкого. Большую часть его собрания составляют березанские находки, но было в нем и ничтожное количество ольвийского материала. Впоследствии письмо было приобретено Археологической комиссией и передано в музей Историко-филологического института в Петербурге. В. В. Латышев, впервые опубликовавший этот документ⁵, считал, что оно происходит из Ольвии, хотя, учитывая приведенные выше соображения о коллекции Левицкого, с большей долей вероятности надо связывать место находки с Березанью. В. В. Латышев, а за ним и остальные исследователи датировали это письмо IV в. до н. э. (первый издатель высказывается, правда, осторожнее: «не позднее первой половины IV в. до Р. X.»), однако наблюдения над шрифтом позволяют мне отнести его еще к V в. до н. э. Текст сохранился почти полностью, однако оригинальный лаконичный язык затрудняет его ясную интерпретацию. Я предлагаю здесь следующий перевод контекста⁶ (адреса письмо не имело): «Артикон приветствует своих домашних. Если вас выгонит из дома Миллион, то (переселяйтесь) в комнату к Атаку, если он позволит, если же нет, то в [комнаты?] к Агатарху. Пусть он взыщет с Кердона часть шерсти». Таким образом, здесь идет речь о какой-то семье, не имеющей своего жилища и вынужденной снимать угол у других лиц. Если бы их кто-то пустил к себе, то он должен был получить часть шерсти (в качестве квар-

² IG, III, р. III, Append. R. W u e n s c h, Defixionum tabellae, стр. 3 сл.

³ A. W i l h e l m, Der älteste griechische Brief, «Oesterr. Jahreshfte», VII, 1904, стр. 94—105. Ср. S. W i t k o w s k i, Epistulae privatae Graecae, quae in papyris aetatis Lagidarum servantur, Lipsiae, 1911², стр. 135; Syll.³, № 1259.

⁴ Подробно останавливаться здесь на содержании всех писем нет возможности, это должно явиться темой специальной работы, которую я надеюсь подготовить в ближайшем будущем.

⁵ В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические находки 1901—1903 гг., ИАК, вып. 1, 1904, стр. 10—13. Впоследствии несколько раз переиздавалось и обсуждалось, см. G. S., Ein griechisches Originalbriefchen, «Beilage zur Allgemeinen Zeitung», 1904, № 227. (=ИАК, вып. 14, 1905, стр. 138 сл.); A. W i l h e l m, Der Brief des Artikon, «Oesterr. Jahreshfte», XII, 1909, стр. 118—126; W. C r ö n e r t, «Rh. Mus.», 65, 1910, стр. 158 сл.; A. J. R e i n a c h, Bulletin épigraphique, REG, 23, 1910, стр. 312 сл.; W i t k o w s k i, ук. соч., стр. 135; O. H o f f m a n, SGDI, IV, 4, 2, 1914, стр. 865 сл., № 39; Syll.³, № 1260; Т. Н. К н и п о в и ч, МИА, № 50, 1956, стр. 122.

⁶ К сожалению, по соображениям места, я не могу подробно аргументировать свое толкование, однако замечу, что все указанные эпиграфисты переводили и понимали форму аог. impreg. med. κομσασθω (последнее слово), как «пускай снесет». Это приводило к невозможности связать более или менее ясно обе части письма, тогда как другое возможное значение глагола в такой форме — «пускай заберет», «взыщет» хорошо связывает весь контекст.

тирной платы) от Кердона, который, вероятно, задолжал эту шерсть автору письма Артикону. Итак, оба эти письма, как и наше, бытового содержания.

Еще одно письмо было найдено при хищнических раскопках Ольвии и поступило затем в Археологическую комиссию⁷. В. В. Шкорпил датировал его первой половиной I в. до н. э. только на основании ономастического материала, однако, исходя из современного состояния палеографической науки, правильнее отнести его к III в. до н. э. или несколько позднее. Это письмо, как и наше, было первоначально свернуто в трубочку, а потом разломано неумелой рукой при разворачивании. Отсюда — неполная сохранность этого чрезвычайно интересного документа, которая вместе с небрежным исполнением (большое число ошибок) делает весьма затруднительным детальное понимание текста. Поэтому я воздерживаюсь от перевода этого письма до подробного исследования. Э. В. Диль видел в этой свинцовой пластинке судебный наговор, однако я считаю нужным присоединиться к мнению В. В. Шкорпила и Т. Н. Книпович, усматривавших в ней письмо судье с предложением взятки. Наконец, еще одно письмо на свинце найдено в 1962 г. при раскопках ольвийского некрополя экспедицией ИА АН УССР в разграбленной могиле без инвентаря. Как любезно сообщила мне руководитель отряда экспедиции Ю. И. Козуб, этот участок некрополя относится к IV—III вв. до н. э. Письмо хранится сейчас в Институте археологии АН УССР. Оно не опубликовано. Н. В. Шебалин, предоставивший мне информацию, считает, что письмо послано неким Батиконом Дифилу. Автор письма сообщает о постигших его самого и его семью неудачах в судебном разбирательстве. Интересно, что и это письмо в момент находки выглядело как трубочка.

Таковы все известные мне параллели нашей находке⁸. Обращает на себя внимание интересный факт — большинство писем на свинце (4 из 5) найдены в одном районе Северо-Западного Причерноморья — на Березани и в Ольвии. Все перечисленные эпистолаы гораздо меньше нашей по объему, как видно из приведенных ниже данных: 1) письмо Мнесиэрга — 215 букв, 44 слова; 2) письмо Артикона — 140 букв, 33 слова; 3) письмо судье — 266 букв, 52 слова; 4) письмо Батикона — точных данных у меня нет, но, судя по фотографии, и оно меньше нашего; 5) письмо Ахиллодора — 526 букв, 110 слов. Новонайденное березанское письмо является самым древним, самым длинным, лучше всего сохранившимся и, как покажет дальнейшее изложение, самым интересным греческим письмом на свинце.

Приступая к рассмотрению языка нашего письма, необходимо прежде всего заметить, что оно представляет собой наиболее интересный и многообразный памятник ионийского диалекта из тех, которые когда-либо были найдены на территории нашего Юга, и занимает одно из видных мест среди ионийских диалектальных документов вообще. Я буду рассматривать диалект письма систематически в конспективном порядке, постоянно приводя имеющиеся параллели⁹.

⁷ Издал В. В. Шкорпил, Пластинки с надписями из Ольвии, ИАК, в вып. 27, 1908, стр. 71—73, Ср. Э. В. Диль, ИАК, вып. 58, 1915, стр. 48, прим. 1; Книпович, ук. соч., стр. 122.

⁸ Разумеется, я не претендую на то, что все опубликованные, а тем более неизданные письма на свинце находятся в моем поле зрения; я основываюсь в основном на просмотренных мною выпусках SEG.

⁹ Здесь я опираюсь на справочник по греческим диалектам А. Тумба, А. Шерпера: A. Thumb, A. Scherer, Handbuch der griechischen Dialekte, II². Heidelberg, 1959 (далее — Thumb) и на прекрасный очерк ионийского диалекта, построенный исключительно на эпиграфических документах: P. Gärtchen, O. Hoffmann, Grammatik zu den ionischen Inschriften, SGDI, Bd IV, Ht 2, Abt. 2, 1914 (далее — SGDI).

I. Ф о н е т и к а

1. Замена исконно греческой $\bar{\alpha}$ на η даже после ρ (ϵ , ι) — основной признак ионийского диалекта.

Сткк. 1, 3, 5, 9, 10, адрес. стк. 3 — voc. Πρωτρχόρη и разные падежи имени Ἀναξαγόρης . См. Thumb, стр. 251.

2. $\bar{o} = \omicron$.

a) Genitivus на \bar{o} имен с основой на $-o-$.

Сткк. 2, 3 — $\tau\bar{o}$ $\text{φορτηγεσι}\bar{o}$; адрес. стк. 1 — $\text{Ἀχιλλοδώ}\bar{o}$. Обычное явление вплоть до IV в. до н. э., см. Thumb, стр. 252; SGDI, стр. 906, 933.

b) сткк. 5 — $\delta\bar{o}\lambda\omicron\nu = \delta\omicron\lambda\omicron\nu$; сткк. 6 — $\delta\bar{o}\lambda\bar{o}\varsigma = \delta\omicron\lambda\omicron\lambda\omicron\varsigma$, $\delta\bar{o}\lambda\alpha\varsigma = \delta\omicron\lambda\omicron\alpha\varsigma$; сткк. 10 — $\alpha\bar{\upsilon}\tau\bar{o}\varsigma = \alpha\omicron\tau\omicron\upsilon\varsigma$; сткк. 12 — $\tau\bar{o}\varsigma = \tau\omicron\upsilon\varsigma$. См. Thumb, там же; SGDI, стр. 911. Только «echte Diphthonge» выражаются через \omicron : ср. отрицания $\omicron\bar{u}$, $\omicron\bar{u}\delta\acute{\epsilon}\nu$.

c) verba contracta на $-o\omega$: сткк. 2 — $\delta\omicron\lambda\omicron\tau\alpha\iota = \delta\omicron\lambda\omicron\upsilon\tau\alpha\iota$ (ср. § 17).

3. $\bar{\epsilon} = \epsilon\iota$.

a) во флексиях: сткк. 1, 11 — $\epsilon\pi\iota\sigma\tau\epsilon\lambda\lambda\bar{\epsilon} = \epsilon\pi\iota\sigma\tau\epsilon\lambda\lambda\epsilon\iota$; сткк. 5 — $\epsilon\chi\bar{\epsilon} = \epsilon\chi\epsilon\iota$ (или $\epsilon\iota\chi\epsilon$). См. Thumb, там же; SGDI, стр. 906.

b) verba contracta на $-e\omega$: сткк. 1 — $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\bar{\epsilon}\tau\alpha\iota = \acute{\alpha}\delta\iota\kappa\epsilon\tau\alpha\iota$ (ср. § 17).

c) окончание infin. praes., сткк. 10 — $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\bar{\epsilon}\nu = \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota\nu$; сткк. 12 — $\acute{\alpha}\gamma\bar{\epsilon}\nu = \acute{\alpha}\gamma\epsilon\iota\nu$. См. SGDI, стр. 946.

d) $-\epsilon\iota\nu-$ из $-\epsilon\sigma\nu-$: сткк. 5, 7, 8 — $\epsilon\bar{\iota}\nu\alpha\iota = \epsilon\iota\bar{\nu}\alpha\iota$. См. SGDI, стр. 907.

Д и ф т о н г и

4. $\epsilon\omicron = \epsilon\upsilon$.

Сткк. 8 — $\epsilon\lambda\epsilon\acute{o}\theta\epsilon\rho\omicron\varsigma = \epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\varsigma$; сткк. 13 — $\text{Εὐνεορος} = \text{Εὔνευρος}$. См. Thumb, стр. 253; SGDI, стр. 911, 916. Ср., однако, устойчивость дифтонга $\alpha\upsilon$: $\alpha\acute{\upsilon}\tau\omicron\varsigma$, $\alpha\acute{\upsilon}\tau\omicron\nu$, $\alpha\acute{\upsilon}\tau\omicron\iota$, $\tau\alpha\acute{\upsilon}\tau\alpha$ — регулярно.

Очень долго держалось, да и сейчас еще порой встречается мнение, что распадение дифтонга $\epsilon\upsilon$ наблюдается в диалекте Восточной Ионии начиная с конца V в. до н. э.¹⁰ Насколько мне известно, только А. Шерер (см. Thumb, стр. 253) обратил внимание на то, что, если это наблюдение и верно для малоазийской Ионии в целом, все же в одном центре — в Милете, рассматриваемый процесс начал проходить уже в VI в. до н. э. Наш материал лишний раз подтвердил это наблюдение. Но, с другой стороны, это позволяет сделать вывод о том, что березанское письмо писал не просто иониец, но милетянин или его потомок. Этот факт лишний раз напоминает нам, насколько сильны были культурно-языковые традиции метрополии в милетских апоикиях по берегам Днепровского лимана в архаическую пору (см. ВДИ, 1969, № 3, стр. 146 сл.).

К о н т р а к ц и я г л а с н ы х

5. $\epsilon + \omicron\upsilon = \epsilon + \bar{o} = \epsilon\upsilon$.

Сткк. 12 — $\acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\epsilon\bar{\upsilon}\varsigma = \acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\epsilon\upsilon\varsigma$. См. SGDI, стр. 917; ср. § 17.

6. $\omicron + \alpha\iota = \omicron\iota$.

Сткк. 6 — $\acute{\alpha}\nu\alpha\beta\bar{\omega}\iota = \acute{\alpha}\nu\alpha\beta\omicron\iota$, ср. $\beta\bar{\omega}\sigma\alpha\iota = \beta\omicron\lambda\sigma\alpha\iota$ — SGDI, стр. 917.

М о н о ф т о н г и з а ц и я д и ф т о н г о в

7. $\eta = \eta\iota$.

Vdat. sing.: сткк. 9, 10 — $\text{Ἀναξαγόρη} = \text{Ἀναξρχόρη}$; сткк. 11 — $\tau\eta = \tau\eta\iota$. См. SGDI, стр. 914 сл.; Thumb, стр. 254 (в Малой Азии — с VI в.). Ср., од-

¹⁰ См. первое издание справочника Тумба (Heidelberg, 1909, стр. 347); из новых работ — последнее издание руководства Бака (C. D. B u c k, The Greek Dialects, Chicago — London, 1968, стр. 33).

нако, постоянное йотирование *dat. sing.* местоимений с основой на *-o-*: сткк. 7—9 — $\epsilon\omega\tau\omicron\iota$, $\alpha\upsilon\tau\omicron\iota$ — регулярно. Это явление представляет, на мой взгляд, параллель явлению, описанному в § 4, т. е. дифтонги $\alpha\upsilon$ и ω проявляют большую устойчивость, чем $\epsilon\upsilon$ и $\gamma\iota$.

А с с и м и л я ц и я

8. Регулярная ассимиляция звука *n* (6 раз) перед губными и гортанными аспиратами и перед носовыми (*m*) — явление, весьма характерное для эпиграфики. Ср., однако, сткк. 10 сл. — $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\nu$ $\kappa\alpha\iota$ здесь ассимиляция не произошла, по-моему, из-за наличия дифтонга $\bar{\epsilon} = \epsilon\iota$. Точная природа этого явления мне не ясна.

II. М о р ф о л о г и я

С у щ е с т в и т е л ь н ы е

9. Собственные имена на *-ης*, *gen. sing.* на *-εω*.
Стк. 4 — Ἀναξάρχου . См. Thumb, стр. 255; SGDI, стр. 931.
10. *dat. sing.* см. § 7.
11. Основы на *-o-*, см. § 2a.
12. Основы на *υ/ι*.
Стк. 9 — $\text{Ματὰ<τα>συε} = \text{Ματᾶσσι}$, вероятно, ошибка резчика, отражающая, впрочем, редукцию атонной финальной гласной.

М е с т о и м е н и я

Личные

13. Сткк. 1, 11 — $\tau\omicron\iota = \sigma\omicron\iota$, *passim* у Hom. и Her.
- Указательные
14. Стк. 12 — $\tau\eta\iota\sigma\iota\nu = \tau\alpha\iota\varsigma$, *passim* у Hom. и Her., ср. SGDI, стр. 940 ($\tau\eta\iota\varsigma$).
- Интересно колебание резчика (см. выше аппарат к тексту).
15. Сткк. 2, 3 — $\mu\iota\nu = \alpha\upsilon\tau\omicron\nu$, *passim* у Hom. и Her., SGDI, стр. 942.

Возвратные

16. Сткк. 7, 8 — $\epsilon\omega\tau\omicron\iota$. См. Thumb, стр. 276; SGDI, стр. 941.

Г л а г о л ы

Окончания — см. §§ 2c; 3a — d; 6.

17. *Verba contracta*

Сткк. 1, 2 — $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\epsilon\tau\alpha\iota = \acute{\alpha}\delta\iota\kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$, $\delta\omicron\lambda\delta\tau\alpha\iota = \delta\omicron\lambda\omicron\upsilon\tau\alpha\iota$ из $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\epsilon\tau\epsilon\tau\alpha\iota$ и $\delta\omicron\lambda\omicron\upsilon\tau\epsilon\tau\alpha\iota$ ($\bar{\epsilon} = \epsilon\iota$, $\bar{o} = \omicron\upsilon$, см. §§ 2, 3). Характерно, что регулярно проходит процесс контракции, а не разделения гласных, последнее часто имеет место у Гомера и Геродота. Интересен случай с $\mu\upsilon\theta\epsilon\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ (стк. 5). Мы видим, что в *verba contr.* гласные сливаются ($\epsilon + \epsilon > \epsilon\iota > \bar{\epsilon}$, $\omicron + \epsilon > \omicron\upsilon > \bar{o}$), а в этом случае как будто контракции не наблюдается. На самом деле, это впечатление обманчиво, и здесь процесс шел следующим путем: $\mu\upsilon\theta\epsilon\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma > \mu\upsilon\theta\epsilon\acute{\upsilon}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma > \mu\upsilon\theta\epsilon\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$, т. е. $\epsilon + \bar{o} > \epsilon\upsilon > \epsilon\omicron$. Формально ничего не изменилось, но качественно процесс контракции прошел, и только потом уже дифтонг $\epsilon\upsilon$ был выражен фонетически, соответственно графически через $\epsilon\omicron$. Ср. качественно иной процесс (§ 5): $\acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma = \acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\epsilon\acute{\omicron}\varsigma$, т. е. $\epsilon + \omicron\upsilon = \epsilon + \bar{o} > \epsilon\upsilon$. Здесь последняя стадия контракции не могла прогрессировать дальше, так как в $\epsilon + \bar{o} = \omicron$ долгий звук, в то время как в разобранном выше случае \omicron — краткий. Соответственно, $\epsilon\upsilon$ в $\acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$ имел качественно иную фонетическую окраску и звучание, чем $\epsilon\omicron$ в $\mu\upsilon\theta\epsilon\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$.

18. Aoristus sigmaticus

Стк. 3 — $\alpha\lambda\epsilon\sigma\tau\epsilon\rho\epsilon\sigma\epsilon\nu = \alpha\lambda\epsilon\sigma\tau\epsilon\rho\eta\sigma\epsilon\nu$, т. е. без удлинения конечной гласной основы в *verba contr.* перед сигмой, ср. SGDI, стр. 950 ($\epsilon\pi\alpha\iota\nu\epsilon\sigma\alpha\iota$ — надписи SGDI, №№ 5366, 5464, 5589, но это, кажется, единично).

Ср., впрочем, $\alpha\pi\eta\rho\eta\sigma\alpha\iota$ (стк. 4).

Редкие формы глаголов

19. Стк. 10 — $\sigma\acute{\iota}\delta\alpha\sigma\iota = \iota\sigma\alpha\sigma\iota$, см. Liddell — Scott, s. v. $\sigma\acute{\iota}\delta\alpha$ (примеры: Herod. II, 17, 43; Xen. Oec. 20, 14 codd.; Anth. Pal. XII, 81 — Meleager).

20. Стк. 12 — $\tau\epsilon\sigma\sigma\iota\nu = \eta\sigma\iota\nu$. Форма, насколько мне известно, не засвидетельствована. По своей природе здесь произошла заместительная гемпнация $\epsilon + \sigma > \acute{\epsilon} + \sigma\sigma$.

V a r i a ¹¹

21. Сткк. 3, 5, 9, адрес, стк. 3 — постоянная элизия α и $\alpha\iota$ перед начальной *альфой* в имени Ἀναξαγόρης . Интересно, что $\acute{\epsilon}$ не элидируется даже перед ϵ . Случай с элизией ι (стк. 12) не разбирается по причине эмендации.

Итак, язык надписи содержит наиболее характерные особенности не только ионийского диалекта в целом, но, в частности, его милетского варианта VI в. (ср. § 4). Кроме того, письмо дает новую глагольную форму (§ 20), не засвидетельствованную ранее в языке.

Прежде чем перейти непосредственно к чтению и интерпретации текста, необходимо кратко остановиться на стилистических особенностях письма. Как уже было сказано, документ представляет собой древнейшее греческое оригинальное письмо и потому не имеет прямых современных ему аналогий. Ближе всего по времени стоят к нему письма Артикона (V в.) и Мнесиарга (IV в.). Письмо судье из Ольвии написано при таких необычных обстоятельствах и настолько оригинально по стилю, что в качестве аналогий привлекаться не может. Самые ранние частные письма на папирусах встречаются только со времени Лагидов, т. е. с конца IV в. Кроме этого, мы имеем ряд писем в передаче античных авторов, из которых здесь привлекаются лишь наиболее ранние историки — Геродот и Фукидид ¹². Но основной упор делается на упомянутые послания на свинце, самые близкие по времени и по типу (частная переписка). Нас будет интересовать, главным образом, формула обращения, а также способ и общий характер изложения.

Письмо начинается несколько необычным обращением: ω Πρωταγόρη — «Протагор!». Такой формулы мы не имеем ни в одном оригинальном письме. Так, даже весьма лаконичное письмо Артикона начинается словами: $\text{Ἀρτίκων τοῖς ἐν οἴκῳ χαίρειν}$ — «Артикон приветствует своих домашних». Письмо Мнесиарга начинается более пространной формулой приветствия: $\text{Μνησιάρχος ἐπέστελε τοῖς οἴκοι χαίρειν καὶ ὑγρᾶίνειν καὶ αὐτὸς οὕτως ἔφασκε ἔχειν}$ — Мнесиарг посылает письмо своим домашним с приветом и (пожеланием)

¹¹ Везде в транскрипции текста густое придыхание заменено на тонкое, поскольку, как показывают стк. 4 ($\alpha\pi\eta\rho\eta\sigma\alpha\iota$), стк. 3 (φορτηγεσιῶ) и другие эпитафические памятники (см. Thumb, стр. 265 сл.), для раннего ионийского диалекта характерна псилоза.

¹² Разумеется, текст писем не всегда дословно передавался этими писателями, особенно Геродотом. Однако нас здесь это не интересует, так как оба историка в своем воспроизведении писем должны были следовать формальным стилистическим особенностям писем данного типа, иными словами, эпистолярному стилю, характерному для времени их написания или, по крайней мере, для времени творчества обоих писателей. Здесь я не буду рассматривать произведения эпистолографии как особого литературного жанра, так как они имеют минимальное отношение к нашему материалу оригиналов.

здравствовать, он сообщает, что и у него дела идут так же»¹³. Здесь формула обращения развивается дальше и включает уже второй элемент — сообщение о состоянии дел у самого автора. Эта формула получила большое распространение в эллинистической эпистолографии и стала основной в большинстве посланий, насколько мы можем судить по дошедшим до нас письмам на папирусах из Египта¹⁴. Первый элемент продолжает развиваться дальше, и в целом вся преамбула приобретает примерно следующий вид с небольшими модуляциями: ὁ δαῖνος τῶν δαῖνι χαίρειν. εἰ ἔρρωσαι καὶ τὰλλα σοι κατὰ λόγον ἐστίν, εἴη ἂν ὡς ἐγὼ θέλω, ὑγιαίνω δὲ καὶ αὐτός. — «Такой-то такому-то привет! Если ты здравствуешь и все остальное идет у тебя по желанию, пусть будет так, как я хочу; и сам я здравствую». Ни одно из просмотренных мною оригинальных писем не начинается без приветствия или пожелания здоровья, это превратилось в чистую формальность, соответствующую нашему эпистолярному обращению «Дорогой (или глубокоуважаемый) такой-то!». Обращения без χαίρειν мы встречаем только у Геродота и Фукидида, однако, цитируемые ими письма едва ли могут привлекаться как аналогии нашему, поскольку это послания владык или крупных политических деятелей другим высокопоставленным особам (царям, сатрапам, полководцам — по большей части, восточных владык греческим или наоборот) или целым народам; тем не менее, рассмотреть их необходимо. В них мы встречаем три типа обращения¹⁵.

I. Преамбула типа нашего письма с простым упоминанием имени адресата без χαίρειν или подобного приветствия.

1. Письмо Гарпага Киру (Herod., I, 124): ὦ παῖ Καμβύσῳ.

2. Письмо Дария (Багая) персам Оройта (Herod., III, 128): ὦ Πέρσαι.

3. Донесение Никия афинянам (Thuc., VII, 11—16): τὰ μὲν πρότερον προχθέντα, ὦ Ἀθηναῖοι, ἐν ἄλλαις ἐπιστολαῖς ἴστε κατὰ¹⁶.

II. Типично «царское» обращение, не частно-деловая информация, а изъявление воли владыки.

1. Письмо Амасиса Поликрату (Herod., III, 40):

Ἄμασις Πολυκράτην ὧδε λέγει.

2. Письмо Ксеркса Павсанию¹⁷ (Thuc., I, 129, 3): ὧδε λέγει βασιλεὺς Ἑρέξης Πausανία.

3. Письмо Дария I Гадату, около 500 г. до н. э. (Syll.³, № 22; R. Meiggs, D. Lewis. A Selection of Greek Historical Inscriptions, Oxf., 1969, № 12: Βασίλευς βασιλέων Δαρτεῖος ὁ Ὑστάσπεω Γαδάται δούλοι τάδε λέγει.

III. Письмо начинается без всякого обращения, возможно, в некоторых случаях, если не в исключительном большинстве, оно просто пропущено цитирующим его автором, и подразумевается из предыдущего изложения. Создается впечатление, что автор приводит не все письмо, а только ту его часть, которая наиболее важна для повествования, так что, вполне вероятно, — это не самостоятельный тип преамбулы.

¹³ Прошедшее время глаголов надо рассматривать как стилистический прием и потому переводить настоящим временем (см. Wilhelm, Der älteste griechische Brief, стр. 104).

¹⁴ См. Witkowski, ук. соч. (сборник содержит 72 письма, начиная с эпохи Птолемея).

¹⁵ Этот материал исследован А. Вильгельмом, специально занимавшимся эпистолографией (A. Wilhelm, Griechische Königsbriefe, «Klio», Beiheft XLVIII, 35, 1943). К сожалению, эта работа осталась мне недоступной.

¹⁶ Это послание по своему обращению производит впечатление не письма, а ораторской речи.

¹⁷ Это письмо разобрано в статье: A. T. Olmstead, A Persia Letter in Thucydides, AJSL, XLIX, 1933, стр. 154—161; ср. M. J. Balcer, The Medizing of the Regent Pausanias, «Actes du I Congrès international des études balcaniques et sud-est européennes», II, Sofia, 1969, стр. 107.

1. Второе письмо Дария (Багая) персам Оройта (Herod., III, 128): βασιλεὺς Δαρείος Πέρσῃσι τοῖσι ἐν Σαρδίσι ἐντέλλεται κτείνειν Ὀροίτην¹⁸.

2. Письмо Павсания Ксерксу¹⁷ (Thuc., I, 128, 7): Παυσανίας ὁ ἡγεμὼν τῆς Σπάρτης τοῦσδε τέ σοι γαρίζεσθαι βουλόμενος ἀποπέμπτει κτλ.

3. Письмо Фемистокла к Артаксерксу (Thuc., I, 137,4): Θεμιστοκλῆς ἤρω πρὸς σέ κтл.

Итак, мы видим, что в частно-бытовых письмах не содержится аналогий преамбуле нашего послания. Не исключена возможность, что столь оригинальная преамбула в письме Ахиллодора объясняется поспешностью, с которой автор писал его, это могло отразиться и на стиле¹⁹.

Не менее интересен вопрос и об оригинальном способе изложения в березанском документе, в котором оно постоянно ведется от третьего лица. Во всех известных мне письмах частных лиц изложение построено по иному принципу: автор начинает письмо с обращения в третьем лице по схеме ὁ δεῖνх τοῖι δεῖνх ἐπιστέλλει, а потом тут же переходит на первое лицо. Это было настолько распространенным обычаем, что выдерживалось регулярно и стало стандартом. Практикуется это и в современном эпистолярном стиле как в начале, так и в заключительной части письма (например, «С уважением, Ваш такой-то»). Мне известно только одно исключение, содержащееся в царских письмах Дария, написанных Багаем и адресованным персам — телохранителям Оройта (Herod.; III, 128; см. наши №№ I, 2 и III, 1). Однако и эти письма, даже если делать скидку на их «царское» авторство, не могут, на мой взгляд, служить аналогиями стилю письма Ахиллодора по двум причинам. Во-первых, письма, приведенные у нас полностью, состоят, условно говоря, из одной преамбулы, т. е. выражения ἀπαγορεύει и ἐντέλλεται надо рассматривать как адекватные ἐπιστέλλει. Во-вторых, царь, собственно, не пишет персам-телохранителям, а им через γραμματιστής извещают свою волю²⁰.

Таким образом, наше письмо в плане стилистики стоит особняком среди всей греческой переписки. Однако на ум может прийти и другая мысль — не является ли повествование от третьего лица свидетельством того, что письмо составлял не сам Ахиллодор, не знавший грамоты, а какой-нибудь грамотей вместо него? Не исключая возможности этого варианта, я все же считаю, что он имеет ничуть не больше прав на существование, чем первый, учитывая высокую грамотность и культуру граждан Ольвии и Березани уже с ранних времен²¹, а также то соображение, что и писец, исполнявший надпись за Ахиллодора (что, кстати, не требует никаких специальных навыков), мог воспроизвести его диктовку дословно; это часто делалось в эллинистическую эпоху. Иными словами, я полагаю, что такой стиль «от третьего лица» — не признак какой-то иной руки, кроме руки самого отца, — перед нами автограф Ахиллодора, — а оригинальный способ изложения — особенность эпистографического стиля.

¹⁸ Здесь обращение пропущено Геродотом, возможно, потому, что он приводит его в первом письме несколькими строками выше (см. наш тип I, 2). С другой стороны, обращение заключено в словах Πέρσῃσι τοῖσι ἐν Σαρδίσι.

¹⁹ Единственной более или менее близкой параллелью разбираемой формуле обращения может служить, как мне кажется, преамбула оригинального письма III в. до н. э. из Ольвии, нацарапанного на глиняном черепке-остраконе [см. Н. В. Шабалин, К ольвийским государственным древностям (по материалам граффити), сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 296—299]. Отсутствие обычного пожелания здравствовать в форме обращения этой эпистолы (τοῖς μακλήροις τοῖς πρὸ ἡμῶν) объясняется, по справедливому замечанию издателя, необычным «угрожающим» характером содержания.

²⁰ Ср. выражения οἱ δὲ ἀκούσαντες τούτων и οἱ δὲ δορυφοροὶ ὡς ἤκουσαν ταῦτα, идущие сразу после текстов первого и второго послания. Иными словами, персы не читали письма царя, а слушали через секретаря его приказания.

²¹ См. ВДИ, 1969, № 3, стр. 146—150.

Строго в форме гипотезы (за отсутствием материала) можно предположить, что подобная манера изложения имела в VI в. какое-то более или менее узкое распространение как один из вариантов, но в дальнейшем не привилась из-за трудностей в понимании содержания даже для самих адресатов. Поэтому впоследствии, начиная с V в. от нее сохранились только рудименты в преамбуле типа: ὁ θεῖνός σοι ἐπιστέλλει, получившей всеобщее признание во всей античности и дожившей как устойчивый стилистический троп и до наших дней в зачине письма, типа: «Пишет Вам такой-то». Но далее продолжают всегда так: «Я делаю то-то и то-то». Эту гипотезу, разумеется, сможет подтвердить только вновь добытый материал.

Переходя к разбору содержания письма, надо в первую очередь остановиться на адресе. Адрес, надписанный на обороте пластинки, после того как она была скатана в свиток, читается довольно легко: «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору». Интересно здесь прежде всего употребление специального термина для обозначения письма на свинце — τὸ μόλιβδιον. Насколько мне известно, точно такого слова в греческом языке не встречалось. По своей форме данное слово — deminutivum от существ. ὁ μόλιβδος = «свинец». Как известно, в греческом языке имелось несколько адекватных выражений для обозначения свинца, родственных по своей основе: 1) ὁ (ἡ) μόλιβδος, 2) ὁ μόλιβδος, 3) ὁ μόλιβρος. Словарь Liddell — Scott дает следующие deminutiva от этих основ: 1) τὸ μόλιβδιον = «свинцовая гирька, разновес» (Hippocr. Art. 14), второе значение этого слова — особый медицинский инструмент «sound for the uterus» (Hippocr., Mul. I, 14), 2) τὸ μόλιβιον = «свинцовая трубка» (Antyll. ap. Orib. X, 19, 5), параллельный термин с тем же значением — τὸ μόλιβίδιον (Hero Aut. 30, 3). Второй термин синонимичен нашему, но образован от другой основы. Едва ли можно предполагать, что наше образование получилось из μόλιβίδιον с выпадением йоты. Скорее всего — это новый дериват от основы μόλιβδος. В нашем контексте он имеет не только узкотехническое значение «свинцовая трубка», но и более широкое семантически производное — «письмо, написанное на свинцовой трубке», «письмо на свинце». Это лишний раз показывает, что автор представлял себе свое письмо не в виде таблички, а уже в готовом свернутом виде — в образе свитка, на котором он и написал адрес. Интересны параллельные termini technici, употреблявшиеся для обозначения заклятий на свинце²²: ὁ μόλιβδος, πλάττωμα μόλιβδου, πλασμαί μόλιβδινοί. Однако здесь они всегда ассоциировались не со свитком или трубочкой, а с пластинкой, отсюда: ἡ λεπτις, τὸ λεπτιδίον, τὸ πέταλον²³.

В целом, единственную параллель нашему адресу (я не беру письма на папирусах) представляет адрес письма Мнесиэрга, где он, однако, более развит²⁴: φέρον ἰς τὸν κέραμον τῆς ὑπορικόν ἀποδόντι δὲ Ναυσίῳ ἢ Θρασικλῆϊ ἢ Φύτῳ «Отнести на керамический рынок горшечников, отдать Навсию или Трасиклею или сыну». Здесь в адресе не указан автор послания, зато содержится указание на точное место доставки. Наш адрес, к сожалению, более лаконичен.

Приступая к чтению основного текста, мы сразу замечаем, что он резко распадается на два раздела, которые вводятся словами ἐπιστέλλῃ (стк. 1) и ἔτερον ... ἐπιστέλλῃ (стк. 11). Первый раздел (сткк. 1—11) повествует о деловых неудачах автора письма, в то время как второй раздел (сткк.

²² См. E. G. K a g a r o w, Griechische Fluchtafeln, Eus. suppl., vol. 4, Leopold. — Paris, 1929, стр. 25.

²³ Парфений употребляет для письма термин μόλιβδίνη ἐπιστολή (P a r t h., IX, 5).

²⁴ W i l h e l m, Der älteste griechische Brief, стр. 95.

11—13), меньший по своему объему, касается сугубо семейных дел Ахиллора.

Переходя к исследованию первого, главного и наиболее интересного для нас раздела, надо сделать прежде всего ряд замечаний о тех объективных трудностях, которые препятствуют однозначному пониманию содержания. Трудности эти вызваны тремя причинами. Во-первых, архаический ионийский диалект и его особенности (см. выше) допускает многозначное толкование некоторых слов, например, слово ΔΟΛΟΣ (стк. 6), взятое вне контекста, может означать и *δολος* «хитрость, обман», и *δολος* «раб», и *δολος* «рабов». Во-вторых, основной термин *ὁ φορτηγέσιος* или *τὸ φορτηγέσιον*, как будет показано ниже, впервые встречается в греческом языке и потому может означать любой объект, укладываемый в рамки его семантической структуры. И, наконец, в-третьих, основная трудность, как уже было показано, письмо написано оригинальным стилем, «от третьего лица», отсюда и все действующие лица выступают от третьего лица. Поэтому без исследования контекста нельзя, например, определить, кто говорит фразу, начинающуюся словами *φρσι γάρ...* (стк. 4), т. е. для каждой законченной конструкции мы можем предполагать несколько подлежащих, соответственно, несколько вариантов интерпретации. Эти трудности, взятые в комплексе, лишают нас абсолютной уверенности в правильности тех вариантов, которым мы отдадим предпочтение перед прочими, т. е. делают их лишь наиболее вероятными из многих. По этой причине я вынужден подробно разобрать все возникающие варианты, чтобы у читателя не возникло впечатления неиспользованных для интерпретации возможностей.

Самое начало первого раздела (сткк. 1—4) может быть прочтено и понято, на мой взгляд, однозначно, а именно: «Протагор! Отец пишет тебе: (его) обижает Матасий (дословно он обижается Матасием), поскольку он обманывает его и лишил фортегесия²⁵. Придя к Анаксагору, расскажи...». Т. е. отец Ахиллор обращается к своему сыну Протагору, которому вместе с Анаксагором адресовано письмо, с жалобой на некоего Матасия, который обманывает отца и лишил его какого-то объекта, обозначенного термином *τὸ φορτηγέσιον*. Кроме того, он просит передать дальнейшее содержание письма Анаксагору, второму после сына адресату послания. Это тоже довольно оригинальная особенность — формально отец обращается к сыну, хотя письмо адресовано и ему и Анаксагору. Но последнему содержание эпистолы должен был передать сам сын Протагор, устно или показав табличку. Кроме предложенного толкования, этот отрывок может дать еще только один вариант: глагол *δολῶται*, который я читаю, как *δολῶται* «он обманывает», можно еще прочесть, как *δουλοῦται* «он порабощает, превращает в раба». Причем слово «он» здесь может обозначать только Матасия, так как пояснительный союз *γάρ* указывает на то, в чем заключалась суть обиды, нанесенной Матасием отцу²⁶. Кажется совершенно невероятным, что какое-то неизвестное лицо (Матасий) может сделать рабом явно свободного гражданина (подробнее об этом см. ниже) и, кроме того, еще и лишить его какого-то объекта, что в общем не требовалось после акта порабощения, поскольку тогда имущество раба так или иначе переходило к господину. Поэтому я останавливаюсь на единственно реальном варианте: *δολῶται* = *δουλοῦται*, т. е. «он (Матасий) обманывает». Итак, обидел (*ἀδικῆται*) Матасий отца тем, что, во-первых, он обманывает Ахиллора, и, во-вторых, он лишил его фортегесия.

²⁵ Слово *τὸ φορτηγέσιον* оставляю пока без перевода.

²⁶ Кроме того, энклитическое местоимение *μιν*, в отличие от *αὐτόν* прилагается автором письма к своей собственной особе (ср. стк. 13).

Далее мы можем четко выделить самый конец первого раздела (сткк. 10 сл. со слова ταῦτ'), в котором *infin. λέγειν=λέγειν* употреблен *pro imperativo* — довольно распространенная его функция²⁷. Я перевожу фразу так: «Это скажи Анаксагору и его жене». Т. е. здесь повторяется еще раз та же просьба, которая высказана отном выше (сткк. 4—5), но уже в резюмирующем порядке. Теперь, если внимательно рассмотреть оставшийся отрывок первого раздела (сткк. 4—10), можно заметить, что он распадается на две самостоятельные части, группирующиеся вокруг двух подлежащих (содержащихся в глаголах). Первая часть (сткк. 4—6) — φησι γάρ...κοικίας, вторая часть (сткк. 6—10) явно меняет подлежащее, судя по противопоставляющей частице δέ в ὁ δὲ ἀνθρώποι. К субъекту второй части должно относиться логически и последнее предложение этого отрывка (сткк. 9—10): τί δὲ αὐτοῖς τὰ κ' Ἀναξάγορα αὐτοῖς οἶδασι κατὰ σφᾶς αὐτὸς²⁸, хотя формально здесь меняется подлежащее — αὐτοί. Эту фразу можно рассматривать, как дополнительное предложение, относящееся к оказуемому главному φησιν (стк. 8) и противопоставляющееся через частицу δέ предыдущим словам (об одной синтаксической неувязке см. ниже).

Итак, наша главная задача состоит в том, чтобы, учитывая все перечисленные трудности, определить субъектов первой и второй части. Для этого рассмотрим сначала слово τὸ φορτηγέσιον и все возможные значения его. Насколько мне известно, этот термин — ἀπαξ εἰρημένον, при этом мы не знаем его исходной формы — *nominativus* его мог быть ὁ φορτηγέσιος и τὸ φορτηγέσιον. Подробный семантический анализ термина занимает много места и поэтому будет разобран в особой статье, пока можно лишь предположить все основные категории значений этого слова. Исходя из выражения τὸ φορτηγέσιον ἀπεστέρησεν (сткк. 2—3), надо полагать, что Матасий нанес отцу не моральный, а какой-то материальный ущерб, т. е. ὁ (τὸ) φορτηγέσιος (-ον) не абстрактное, а вполне материальное понятие, оно может означать вещь, деньги, человека.

Теперь рассмотрим всех действующих лиц письма как потенциальных субъектов первой и второй частей отрывка. Ими могут быть: 1) Ахиллотор — отец, 2) Матасий, 3) Анаксагор²⁹, 4) фортегесий (если принимать третью группу значений = «человек»). Анаксагор едва ли мог быть подлежащим в одной из этих частей, поскольку он выступает субъектом только в одном месте (стк. 5), да и то в прямой речи другого лица. Кроме того, если допустить что Анаксагор является субъектом речи, то кажется невероятным, чтобы отец просил сына (сткк. 3—4 и 10—11, см. выше) передать Анаксагору его же собственные слова. И наконец, еще аргумент — действие происходит в одном месте (там, где находится Ахиллотор и где написано письмо), а Протагор (сын) и Анаксагор (второй адресат) живут в другом месте, куда и посылалось письмо, так что едва ли Анаксагор принимал участие

²⁷ См. R. Kühner, B. Gerth, Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, II, Hannover — Lpz, 1904, стр. 19 сл.

²⁸ Я предпочитаю усматривать здесь местоимение αὐτός = αὐτός, а не = αὐτός, и присоединять его к выражению κατὰ σφᾶς = αὐτός, т. е. κατ' ἑαυτοῦς, в котором предлог κατὰ имеет разделительное значение — «каждый сам по себе» (см., например, словарь Дворецкого — Соболевского, s. v. κατὰ, §§ 5, 6). Не исключено, но менее вероятно, что это местоимение αὐτός надо относить к резюмирующей просьбе и отводить ему роль личного местоимения, что также встречается при императивных инфинитивах (см. Kühner, Gerth, ук. соч., II, стр. 21 — среди многочисленных примеров все же нет ни одного с αὐτός, а только с σὺ или οὗτος).

²⁹ В стк. 5 вместо Ἀναγόρης я предлагаю эмендацию Ἀναξ(ᾶ)γόρης, поскольку Анагор больше нигде не фигурирует в письме, в то время как Анаксагор упоминается в тексте еще четыре раза, при этом он был одним из адресатов (об имени «Анагор» см. ниже). Ясно, что и Протагор по тем же соображениям не может произносить излагаемые в письме речи.

в излагаемом разговоре, т. е. его надо исключить из списка возможных субъектов.

Остановимся сначала на второй части отрывка — $\acute{o} \delta\epsilon \acute{\alpha}\nu\chi\beta\acute{\omega}\iota \dots \alpha\acute{\upsilon}\tau\acute{o}\varsigma$ (сткк. 6—10). Предположим сначала, что «фортегесий» означал неодушевленный предмет. Тогда у нас остается два потенциальных субъекта, обозначенных местоимением \acute{o} (стк. 6); отец и Матасий (т. е. мы получаем как бы уравнение с двумя неизвестными).

Рассмотрим право каждого из них играть эту роль. Прежде всего обращает на себя внимание структура одного и того же речевого оборота, повторяющаяся в этой части три раза: 1) стк. 7 — $\acute{\epsilon}\nu\chi\iota \sigma\acute{\upsilon}\delta\epsilon\upsilon\upsilon \acute{\epsilon}\omega\upsilon\tau\acute{\omega}\iota \tau\epsilon \kappa\alpha\iota \text{Ματ}\acute{\alpha}\varsigma\iota\upsilon$. 2) сткк. 8—9 — $\sigma\acute{\upsilon}\delta\epsilon\upsilon\upsilon \acute{\epsilon}\nu\chi\iota \acute{\epsilon}\omega\upsilon\tau(\acute{\omega})\iota \kappa\alpha\iota \text{Ματ}\acute{\alpha}\langle\tau\alpha\rangle\sigma\upsilon(\iota)$, 3) стк. 9 — $\tau\iota \delta\acute{\epsilon} \chi\acute{\iota}\tau\omega\iota \tau\epsilon \times \text{Αν}\xi\chi\eta\rho\acute{\omicron}\varsigma$. Считают, что такой оборот типа $\tau\iota \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\upsilon \acute{\epsilon}\nu\chi\iota \sigma\acute{\upsilon}\delta\epsilon\upsilon\upsilon$ «что общего у меня с тобой?» происходит из обиходной речи и оттуда попал в литературный язык, где он встречается повсеместно³⁰. Поэтому я исправляю в стк. 7 асс. $\text{Ματ}\acute{\alpha}\varsigma\iota\upsilon$ на dat. $\text{Ματ}\acute{\alpha}\sigma\iota\upsilon$ ³¹. Из противопоставления субъекта речи ($\acute{\epsilon}\omega\upsilon\tau\acute{\omega}\iota$) и Матасия вытекает, что последний не может быть подлежащим во второй части отрывка, т. е. к нему не могут относиться слова $\acute{o} \delta\epsilon \acute{\alpha}\nu\chi\beta\acute{\omega}\iota \kappa\lambda.$

Далее из стк. 8 видно, что лицо, произносящее вторую часть отрывка, утверждает, что оно свободно ($\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\theta\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$), тем самым как бы оправдываясь от обвинения в какой-то социальной зависимости. Совершенно ясно, что такое оправдание мог высказывать только человек, который потенциально или реально был зависимым. Но оставшийся в качестве претендента на роль субъекта Ахиллотор был абсолютно свободным гражданином. Это явственно вытекает из того, что, во-первых, он и его сын носят чисто ионийские имена Ахиллотор и Протагор, которые иногда называют «благородными» (первое имя к тому же теофорное), во-вторых, у него есть семья — жена и по крайней мере трое сыновей, их он свободно посылает, куда хочет (стк. 12), в-третьих, он имеет права на фортегесия (стк. 3), которого у него отбирает Матасий. Всех этих аргументов в комплексе, я думаю, достаточно, чтобы признать, что Ахиллотор не должен был оправдывать своей независимый статус, иными словами, и отец не мог быть автором слов $\acute{o} \delta\epsilon \acute{\alpha}\nu\chi\beta\acute{\omega}\iota \kappa\lambda.$ Итак, возвращаясь к высказанному выше условию, надо полагать, что если под словом \acute{o} ($\tau\acute{\omega}$) $\phi\omicron\rho\tau\eta\gamma\acute{\epsilon}\sigma\iota\omicron\varsigma$ ($-\omicron\upsilon$) понимать неодушевленный предмет (вещь или деньги), то слова $\acute{o} \delta\epsilon \acute{\alpha}\nu\chi\beta\acute{\omega}\iota \kappa\lambda.$ сказать просто не к о м у. Отсюда логически надо заключить, что, во-первых, $\phi\omicron\rho\tau\eta\gamma\acute{\epsilon}\sigma\iota\omicron\varsigma$ (будем теперь называть его так) — человек, и, во-вторых, он субъект второй части отрывка.

Теперь остановим свое внимание на том, что в первой и второй частях отрывка содержится отчетливо прослеживаемое противопоставление. В первой части какой-то еще не выясненный субъект говорит про другого человека, что «он раб Анаксагора» ($\phi\eta\varsigma\iota \gamma\acute{\alpha}\rho \alpha\acute{\upsilon}\tau\acute{o}\nu \text{Ἀν}\xi\chi\eta\rho\acute{\omicron}\varsigma \delta\acute{\omicron}\lambda\omicron\nu \acute{\epsilon}\nu\chi\iota$ — сткк. 4—5)³². А во второй части, как мы уже определили, фортегесий

³⁰ См. К ü h n e r, G e r t h, ук. соч., I (1898), стр. 417, § 423, 16, прим 20а.

³¹ В такой ошибке нет ничего невероятного, поскольку само имя $\text{Ματ}\acute{\alpha}\varsigma\iota\upsilon$ для автора письма представляло, очевидно, трудности графической передачи фонем. Ведь здесь мы должны были бы ожидать $\text{Ματ}\acute{\alpha}\sigma\iota\upsilon$, да и в стк. 9 имя сильно искажено описками — $\text{Ματ}\acute{\alpha}\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\upsilon$ вместо $\text{Ματ}\acute{\alpha}\sigma\iota\upsilon$ (подробнее об этом см. ниже). Двойной союз $\tau\epsilon \kappa\alpha\iota$ служит для усиления связи соотносящихся друг с другом объектов (см. К ü h n e r, G e r t h, ук. соч., II, стр. 249, сл.).

³² Под словом $\Delta\text{ΟΛΟΝ}$ я понимаю $\delta\acute{\omicron}\lambda\omicron\nu$ = «раба», а не $\delta\acute{\omicron}\lambda\omicron\nu$ — «обман», поскольку оно согласовано с личным местоимением $\alpha\acute{\upsilon}\tau\acute{o}\nu$. Кроме того, надо заметить, что этот $\alpha\acute{\upsilon}\tau\acute{o}\nu$ — объект, а не субъект речи, т. е. не он говорит ($\phi\eta\varsigma\iota$) эти слова. В противном случае стоял бы оборот $\text{nominativus cum infinitivo}$. Правда, иногда для акцентации может стоять в такой ситуации и асс. с. inf. (см. К ü h n e r, G e r t h, ук. соч., II, стр. 30 сл.), но тогда почти исключительно ставится $\acute{\epsilon}\lambda\upsilon\tau\acute{o}\nu$, а не $\alpha\acute{\upsilon}\tau\acute{o}\nu$. Кюннер и Герт приводят лишь два исключения — второе, по их же словам, весьма сомнительно.

говорит, что он свободный (стк. 8 — *καὶ φησὶν ἔνχι ἐλευθέρως*) Антитеза — *δοῦλος* — *ἐλευθέρως*, как известно, постоянно встречается у авторов, касающихся рабов, в частности — у Демосфена³³. Итак, из имеющейся у нас антитезы можно установить, что фортегесий, утверждающий в стк. 8, что он свободен, скрывается под объектом *αὐτὸν* в стк. 4, где к нему прилагают понятие *δοῦλος*. Для завершения анализа второй части отрывка необходимо выяснить, кто скрывается под словом *αὐτῶι* в стк. 9. Из четырех имеющихся у нас действующих лиц — Матасий, отец, фортегесий, Анаксагор — два последних отпадают сразу; фортегесий — потому что он как субъект второй части был бы обозначен местоимением *ἐμοῦτοι*, Анаксагор — потому что он уже фигурирует в этой фразе и через парный союз *τὲ καὶ* связывается со словом *αὐτῶι*. Кандидатура Ахиллодора также должна быть отклонена, поскольку последний раз он фигурирует в тексте очень давно (по крайней мере в стк. 5) и поэтому в данном месте был бы обозначен местоимением *ἐκείνου*. Таким образом, остается один Матасий, в том, что он скрывается под местоимением *αὐτῶι* в стк. 9, лишний раз убеждает присутствие его имени в предыдущем слове.

Закончив анализ второй части отрывка, перейдем к его первой части (сткк. 4—6). Уже ясно, что *αὐτὸν... δόλον* (сткк. 4—5) — это фортегесий. Остается только определить субъекта речи, скрывающегося под словами *φησὶ* и *μυθεόμενος*. Теперь мы знаем, что можно выбирать только из двух кандидатур — Ахиллодора или Матасия. В своих рассуждениях мы должны исходить из общего смысла первого раздела письма и из общих задач, которые его автор ставил перед собой. С самого начала было ясно, что Ахиллодор жалуется Анаксагору через своего сына на обманные, незаконные действия Матасия, отнявшего у него фортегесия. Обращает на себя внимание пояснительный союз *γάρ*, имеющий здесь то же значение, что и в стк. 2, а именно, раскрыть сущность действий Матасия, обозначенных словами *δόλοισι γὰρ μὴ καὶ τῷ φορηγέσιῳ ἀπεστέρησεν* (сткк. 2—3). Если разбираемую нами фразу *φησὶ γὰρ κτλ.*) произнес Матасий, то он ставил себе целью аргументировать свои действия и как-то оправдать их. Если же отец — то он старался доказать незаконность его акций и раскрыть настоящее положение вещей.

Если мы предположим, что эти слова принадлежат Ахиллодору, то, во-первых, остается неясным, каким же все-таки путем Матасий сумел его обмануть и лишить фортегесия. Во-вторых, тогда перед третейским судом Анаксагора (судом, кстати, небеспристрастным) аргументы Ахиллодора противоречили бы доводам фортегесия, лица, в сохранении которого отец явно был заинтересован, а именно, отец якобы говорил, что фортегесий — раб Анаксагора, а тот уверяет, что он свободен. Да и из ситуации

³³ Второе вероятное чтение *ἐλευθέρως* = *ἐλευθέρους* приходится отвергнуть по следующим соображениям: если предполагать здесь асс. plur., то тогда это слово может относиться только к *δῶλος καὶ δόλας κοίνας* (стк. 6) и должно обозначать не что иное, чем «свободные» в социальном смысле. Действительно, у Демосфена, или вернее в том, что мы называем Демосфеновским корпусом, несколько раз встречается слово *ἐλευθέρως*, означающее «свободный» от ипотеки, от заклада» и прилагаемое к имуществу, к собственности, движимой или недвижимой (D e m., XXXIV, 21, 22; XLII, 19). Допуская возможность подобного значения термина и для нашего контекста, от формы асс. plur. и тем самым от такого толкования слова *ἐλευθέρως* приходится отказаться, потому что форма асс. pl. masc. может относиться только к *δῶλος* = *δοῦλος*, но остаются еще и формы fem. — *δῶλας κοίνας*, и тогда, если бы этот термин относился только к рабам мужского пола, то автор поставил бы в стк. 8 для ясности что-нибудь наподобие *ὅτι δῶλος ἐλευθέρως ἔνχι*. Если же этот термин прилагался ко всему имуществу в целом, то необходимо было бы согласовать его с обобщающим словом *τῶν* = *τὰ ἕμα*, т. е. мы должны были бы ожидать форму *ἐλευθέρων*. Любое объяснение перечисленных трудностей было бы натяжкой, поэтому я придерживаюсь первого чтения, согласующегося с контекстом.

ясно, что и фортегесий должен был противопоставлять свои слова утверждениям не Ахиллодора, а Матасия, незаконным и обманным путем (ср. выражения *ἀδικῆται* и *δολῆται*) отобравшего его у отца. Отсюда напрашивается только одно решение — слова *φησὶ γὰρ καὶ* говорит не Ахиллодор, а Матасий, т. е. в своем письме-жалобе отец излагает Анаксагору доводы Матасия, оправдывающего свои незаконные (с точки зрения автора послания) акции, и противопоставляет им контраргументы фортегесия.

Для окончательного реконструирования реальной ситуации нам остается выяснить, чье имущество имеется в виду под определением *τάμ'* = *τα ἐμά* (стк. 6), состоявшее из рабов, рабынь и каких-то жилых построек (*δοῦλός*³⁴ καὶ *δοῦλας* καὶ *οἰκίας*). Понятно, что выражение *τάμ'* может относиться только к двум лицам: либо к Ахиллодору как к автору всего письма (тогда здесь употреблено придаточное дополнительное предложение без *ἔτι*), либо к Матасию как непосредственному автору (*μυθεσόμενος*) этих слов (тогда здесь прямая речь). Первая посылка возможна, хотя и менее вероятна, поскольку все письмо написано отцом от третьего лица, и только здесь, в одном месте появляется первое лицо. Чтобы окончательно решить этот вопрос, необходимо разобраться, в какой связи Матасий приводит два факта: 1) фортегесий — раб Анаксагора, 2) имуществом (его или отца) — рабами, рабынями и домами — владеет Анаксагор³⁵.

Прежде всего обращает на себя внимание употребление в этих двух положениях одного и того же термина — *δούλον* и *δούλος*. Действительно, если рассуждать логически, то можно предположить, что фортегесий, являясь рабом Анаксагора (по словам Матасия), входит как часть в целое — в число тех рабов, которыми владеет среди прочего имущество Анаксагор. В этом нас укрепляет и то положение, что если бы эти два факта никак не были связаны друг с другом, то Матасию незачем было бы перечислять это имущество, в том числе и рабов, он мог бы просто ограничиться выражением *τάμα*. Тем не менее, остается непонятным, каким образом эти два факта могли помочь Матасию аргументировать его незаконный увод фортегесия. Но в его доводах странным кажется и еще одно звено — имущество-то он определяет, как «мое» — *τάμα* (пока неясно, его или Ахиллодора), а владеет им (*ἔχει*) Анаксагор. Отсюда ясно, что это состояние не перешло в полную собственность Анаксагора, а он держит его на каких-то условиях, т. е. мы имеем дело не с отношениями полной собственности, а с формами владения или держания³⁶.

Этот факт, очевидно, так и остался бы необъяснимым, если мы не имели бы одного крайне интересного места у Демосфена³⁷. В первой речи против Афоба автор упоминает о том, что его отец Демосфен на ссуду в 40 мин получил в качестве залога эргастерий, состоявший из 20 рабов-мебельщиков, который и оставил своему сыну в наследство (Dem., XXVII, 9). В качестве процентов на эту ссуду Демосфен-отец, а впоследствии и опекуны его сына получали прибыль, произведенную руками этих рабов. И несмотря на то, что должник мог в любой момент выкупить заложенный эргастерий, последний рассматривается в речи везде как имущество Де-

³⁴ Совершенно ясно, что здесь надо понимать *δούλος* = *δούλους*, а не *δούλος*, так как следующие образования асс. pl. fem. *δούλας* никак нельзя вывести от существительного м. р. *δούλος* («обман»).

³⁵ Оправдание конъектуры *Ἀναξαγόρης* см. выше.

³⁶ Разница между этими двумя категориями разбирается К. К. Зельиным (К. К. Зельин, М. К. Трофимова, *Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода*, М., 1969, стр. 19 сл.) и И. М. Дьяконовым («Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.», ВДИ, 1967, № 4, стр. 14 сл.).

³⁷ Указанием на него я обязан Э. Л. Грейс. Оно подробно разбирается в ее работе «О роли ранних форм капитала в Афинах IV в. до н. э.», ВДИ, 1958, № 2, стр. 34 сл.

мосфена (XXVII, 28, 31). Такая параллель наводит на мысль, что и в нашем случае имела место сходная ситуация, т. е. чье-то имущество было заложено, очевидно, в виде ипотеки под заем Анаксагору, и хотя последний владеет (ἐχέ) ³⁸ всеми этими рабами, рабынями и домами и, вероятно, может эксплуатировать их по своему усмотрению и получать от этого прибыль, все равно должник рассматривает это имущество как свое (τιμή). Другое предположение, что имущество было получено Анаксагором в полную собственность за невыплаченный долг, кажется менее вероятным, как противоречащее словоупотреблению контекста.

Так кто же был все-таки собственником этого имущества? Несмотря на то, что отмеченный выше странный переход от третьего лица к первому уменьшает шансы Ахиллодора на «право» собственности, все же это слишком слабый аргумент, чтобы отказаться от такого предположения. В таком случае реальная ситуация должна была быть следующей. Отец заложил свое имущество Анаксагору, в том числе и рабов. Приходит Матасий (какое-то доверенное лицо Анаксагора, его агент) и забирает у отца фортегесия, мотивируя это тем, что последний, являясь рабом Ахиллодора, должен влиться в заложенное имущество, т. е. фактически является рабом Анаксагора. При этом видно, что и в этом и в рассматриваемом далее варианте в доводах Матасия эллиптически пропущен один элемент, который мы можем восстановить — фортегесий был раньше чьим-то рабом (отца или Матасия), ниже я отмечаю этот вариант квадратными скобками. Однако странным кажется, что Ахиллдор не сам парирует доводы Матасия, а приводит лишь оправдания самого фортегесия. И наконец, последнее, что заставляет «лишить» отца прав на это имущество — это анализ структуры всего отрывка. Из общего содержания видно, что Матасий, оправдывая свои действия, как бы «обвиняет» фортегесия (разумеется, эти «обвинения» не должны рассматриваться как прямая инвектива, поскольку они сами являются оправдательными аргументами). На эти «обвинения» фортегесий отвечает отклоняющими их «оправданиями». Рассмотрим, в чем заключались те и другие.

Аргументы Матасия

1. Фортегесий — раб Анаксагора.
2. [Фортегесий раньше был рабом (отца или Матасия)].
3. Имуществом (отца или Матасия) владеет Анаксагор.

Возражения фортегесия

1. Он сам — свободный человек.
2. У него нет ничего общего с Матасием (повторяет два раза).
3. Что общего у Матасия с Анаксагором, они знают каждый сам по себе (т. е. ему до этого дела нет) ³⁹.

Если мы будем исходить из первого предположения, что данное имущество — собственность отца, то увидим, что только первые два пункта «обвинения» парируются фортегесием, остальные же остаются без ответа.

³⁸ Слово ΕΧΕ, учитывая диалектальные особенности языка, можно понимать и как *impr. de sonatu* εχέ, это более подходило бы для аргументации Матасия, а именно — имуществом не владеет, а стал владеть Анаксагор. Однако, предпочтительность такого чтения обосновать практически нечем, поэтому я и не вношу его в текст. Смысл фразы не меняется, прием ли мы тот или иной вариант.

³⁹ В этой фразе в оригинале допущена синтаксическая погрешность δε τί αὐτῶν κτλ. вместо τί δε αὐτῶν κτλ. Можно предполагать здесь простую опisku, но ее можно объяснять и тем, что писавший имел перед глазами слово Μητάσι, предшествующее частице δε, но принадлежащее другому предложению. Отсюда — он мог подразумевать его и в данной фразе, а именно: Μητάσι δε τί αὐτῶν κτλ. Эта фраза — все равно стилистически корявая, но грамматически уже не невозможная.

Теперь «наделим» собственностью Матасия. Ситуация будет почти такая же: Матасий заложил свое имущество Анаксагору, т. е. и его рабы перешли к последнему. Он приходит к Ахиллодору и забирает фортегесия, который, судя по вышеразобранной связи между $\delta\delta\lambda\omicron\nu\nu$ и $\delta\delta\lambda\omicron\varsigma$, был раньше якобы рабом самого Матасия, а теперь входит в заложенное имущество, т. е. он — раб Анаксагора. И вот, если принять второй вариант, все становится на свои места, а именно, на каждый из трех аргументов Матасия (включая эллиптический) фортегесий приводит особый контрдовод. Так, на утверждение Матасия, что фортегесий раб Анаксагора, фортегесий отвечает, что он свободен; подразумевающийся довод о том, что фортегесий прежде был рабом самого Матасия, он дважды парирует своим контраргументом, что между ним и Матасием нет ничего общего. В данном контексте под этим надо понимать, что он не состоит ни в какой зависимости от Матасия. И наконец, на последнюю реплику о закладе Матасием имущества Анаксагору фортегесий отвечает: «а какие общие дела между ним (т. е. Матасием) и Анаксагором, они знают каждый сам по себе», т. е. ему до этого нет никакого дела.

Таким образом, приведенная аргументация более убедительна и заставляет отдать предпочтение второму предположению, а именно — под словом $\tau\acute{\alpha}\mu\alpha$ имеется в виду собственность Матасия, а не отца. Единственный момент, который, на мой взгляд, мог бы противоречить данной презумпции — это негреческое происхождение Матасия, владеющего при этом богатым имуществом, в том числе рабами, рабынями и домами. Действительно, имя $\text{M}\acute{\alpha}\tau\alpha\varsigma\omicron\varsigma$ не зафиксировано ни в одном из известных ономастических справочников (Папе — Бензелера, Вехтеля — Фика, Дорнзайфа — Хансена, Зольмзена — Френкеля). Не встречалось оно и в Северном Причерноморье (его нет в известной монографии Згусты и в эпиграфических изданиях). Имя это, скорее всего, не греческое, его этимология $\mu\alpha\tau\alpha + \omicron\varsigma$ представляется мне искусственной. Оно не встречено ни среди иранских имен Северного Причерноморья, ни среди фракийского⁴⁰ или малоазийского⁴¹ ономастического материала. На варварское происхождение этого имени указывает еще одно обстоятельство. Ионийцу — автору письма явно доставляет большие трудности точно транскрибировать по-гречески фонетические особенности варвароязычного имени: в одном случае он передает gen. его как $\text{M}\acute{\alpha}\tau\alpha\omicron\varsigma\omicron\varsigma$, в другом — асс. как $\text{M}\acute{\alpha}\tau\alpha\varsigma\iota\nu$ вместо $\text{M}\acute{\alpha}\tau\alpha\varsigma\omicron\nu$, в третьем — вообще сильно искажает dat. описками — $\text{M}\acute{\alpha}\tau\alpha\tau\alpha\varsigma\omicron\varsigma$. Подобное явление часто имеет место как у древних авторов⁴², так и в эпиграфике⁴³. Разумеется, дело здесь не только в небрежности авторов или в закономерности фонетических переходов. Главное в том, что чужезычная фонетика не укладывалась в прокрустово ложе греческой транслитерации — отсюда и возникали графические варианты одного и того же имени. В нашем случае, например, в атонной финали стоял какой-то нейтральный звук, средний между i и \ddot{u} , который и дал в косвенных падежах различные модификации.

Итак, могло бы показаться странным, что на фоне таких граждан-ионийцев, какими были Ахиллодор, Протагор и Анаксагор, варвар Ма-

⁴⁰ См. В. Б е ш е в л и е в, Проучвания върху личните имена у траките, София, 1965.

⁴¹ См. L. Z g u s t a, Kleinasiatische Personennamen, Prag, 1964.

⁴² См., например, сопоставление имен заговорщиков — убийц Бардии в Бехистунской надписи, у Геродота и у Ктесия, проведенное М. А. Дандамаевым (Иран при первых Ахеменидах, М., 1963, стр. 172 сл.): I. Vidafarna — 'Ινταφρένης — 'Αταφέρνης; 4. Vidarna — 'Υοάρνης — 'Ιδερνής; впрочем, Дандамаев склонен объяснять искажение Ктесием первого имени свойственной последнему небрежностью (там же, прим. 218).

⁴³ См. надпись с Березани римского времени (НО, № 90): Ρωρομάρως — Ρωρομαρως.

тасий, скорее всего не обладавший правами гражданства, владеет движимой (рабы и рабыни) и недвижимой (дома) собственностью и занимается какими-то коммерческими операциями. Тем не менее, в том обществе, социально-экономическое устройство которого нам лучше известно благодаря сравнительному обилию источников — в Афинах IV в. до н. э., мы на каждом шагу встречаемся с такой же ситуацией. Частноправовые речи Демосфеновского корпуса пестрят многочисленными примерами богатых неграждан (большей частью метеков) из иноземцев или вольноотпущенников, владеющих огромными состояниями, в собственности которых были эргастерии, трапезы, корабли, крупные суммы денег, рабы. Они занимались ремесленным производством, ссудными операциями, морской торговлей, эксплуатацией рудников и т. д. И если нам возражат, что невозможно себе представить, чтобы в раннегреческом обществе второй половины VI в. могло встретиться столь же развитое экономическое положение одновременно со сравнительно бесправным социальным статусом лиц, подобных Матасию, мы могли бы ответить, что в таком случае для этой эпохи казались бы немыслимыми и те высокоразвитые дифференцированные правовые и имущественные отношения, которые мы извлекаем из нашего источника.

Чтобы окончательно завершить анализ первого раздела письма, необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Принимая тот или иной из обоих последних вариантов, все равно кажется странным, что Матасий (к тому же, вероятно, негражданин) имеет возможность беспрепятственно прийти и отобрать фортегесия у отца, обвинив первого в рабской зависимости (на совершенность акта «уведения» указывает аористная форма глагола *ἀλυστέρησεν*). И всем этим незаконным, по его словам, действиям, отец ничего не может противопоставить, кроме жалобы Анаксагору на Матасия. Вероятно, у последнего были еще какие-то основания для подобных акций, и эти основания мы должны искать в самом тексте, а не за его пределами. Прежде всего коснемся тональности всего документа. Мы уже говорили, что Ахиллодор пишет не непосредственно Анаксагору, а жалуется ему через сына. Но нас интересует главным образом не этот факт, а то *как* он излагает свою жалобу. Если мы отбросим вводные слова, обращенные к сыну, и обратим внимание на тот отрывок, который начинается и заканчивается просьбой передать это (*τῶτα*) Анаксагору (сткк. 3—11), то мы заметим, что в своей жалобе Ахиллодор не приводит ни одного собственного аргумента, но лишь излагает сначала доводы Матасия, а потом возражения фортегесия, т. е. передает их диалог. Это и налагает на все слова отца какой-то оттенок неуверенности в справедливости контраргументов фортегесия. Он не прямо обвиняет Матасия, а предоставляет дело на рассмотрение Анаксагора, который, вероятно, был более осведомлен об отношениях между спорящими сторонами. Очевидно, в этих отношениях было что-то такое, что придавало Матасию большую уверенность в своих действиях и что прямо не вытекает из источника. Поэтому обратимся еще раз к словам фортегесия, в частности, к его утверждению, что он свободен (*ἐνχι ἐλευθέρως*). Словарь Liddell — Scott под словом *ἐλευθέρως* дает несколько значений, все они сходятся к понятию свободы: «свободный» как в социальном (*ὁ ἐλευθέρως* «гражданин»; *ἡ ἐλευθέρω* «госпожа»), так и в переносном значении (с определением — *φόνου, ἀτίμας* и т. п.). Выражение *ἐλευθέρων εἶναι τι* означает «кому-то разрешено, доступно». Очень часто мы встречаем имеющуюся у нас антитезу *ἐλευθέρως — δούλος*, где *ἐλευθέρως* противопоставляется рабу, как свободный в социальном смысле человек. Но в одной из речей Демосфена мы находим место, которое, как мне кажется, проливает свет на поставленную выше проблему и помогает решить ее. В третьей речи против Афаба о леже-

свидетельстве Фана (Dem., XXIX) Афоб требует, чтобы некий человек по имени Милиас, который два года управлял эргастерием *μαχαροποιόν* (Dem., XXVII, 19), был допрошен под пыткой (*βασανίζειν*), поскольку он был рабом (*δούλος*). На это Демосфен отвечает (XXIX, 25), что Милиас был отпущен на волю его отцом (*ἀφεθέντα τοῦτον, τὸν ἄνθρωπον τοῦτον ἀφεῖναι*) и потому он *ἐλεύθερος*, и его нельзя подвергать пытке. Т. е. фактически здесь вольноотпущенник (*ἀφεθεῖς*), который обычно обозначался словом *ὁ ἀπελευθερος*, назван оратором *ἐλεύθερος*, очевидно, для усиления антитезы *δούλος* — *ἐλεύθερος*. Но тогда и для нашей ситуации мы можем предположить, что в пылу спора⁴⁴ для противопоставления обвинению в том, что он *δούλος*, фортегесий — вольноотпущенник, который должен был называться *ἀπελευθερος*, с целью усиления антитезы называет себя *ἐλεύθερος* — здесь играла роль простая логика: раз он отпущен на волю и уже не раб, то значит он свободен (*ἐλεύθερος*)⁴⁵. Если принять эту гипотезу, то становится понятным неуверенный тон жалобы Ахиллодора: фортегесий ведь не отрицал, что он вольноотпущенник — отсюда у отца могли зародиться сомнения в его полной независимости от Матасия.

Второй раздел письма (сткк. 11—13) — более короткий и в силу этого, а также необычного словоупотребления, более непонятный. Он состоит из двух фраз, вторая из них противопоставляется первой через частицу *δέ*. Отсутствие в греческом языке слова, скрывающегося под тремя буквами *ΑΡΒ*, заставляет меня предложить в первой фразе конъектуру *ἐν ἄρ(τ)᾽* = *ἐν ἄρτι* «сейчас же, немедленно». Непонятным остается и употребление *ἴνх* с *inf.* *ἄγην*, незасвидетельствованное в греческом синтаксисе. Ни одно значение глагола *ἄγω*, образованное от семантической основы «вести», не подходит для нашего контекста, поскольку у нас нет прямого дополнения в асс., если только не принимать за таковой непонятное слово *αῤβινх*. Поэтому остается предположить, что здесь *ἄγω* имеет значение с подразумеваемым *ἐκ(τὸν)* «идти, ехать». Местоимение *τήριον* также для нас непонятно, скорее всего оно имеет временную функцию и подразумевает слово *ἡμέρησιον* или скорее *ἑορτήριον* «на эти дни», «на эти праздники» (если принять во внимание *θυωρά* в стк. 13). Во второй фразе отец сообщает, что к нему пришел некий Эвневр. Последние два слова в своей связи представляют известные лексические трудности. *θυωρά* = асс. pl. neut. от *θυωρός*, означающего «заботящийся о жертвоприношениях» (Liddell — Scott, s. v. — «taking care of offerings»), *ἡ θυωρός* «стол для жертвоприношений», «стол у богов». В нашем контексте это слово надо скорее всего понимать обобщенно, как «обстоятельства, связанные с жертвоприношениями» или просто «жертвенные обряды».

Для того чтобы окончательно разобраться в интерпретации второго раздела (и всего письма в целом), надо рассмотреть один вопрос непосредственно с ним связанный — вопрос о месте отправки и месте адресата, и, соответственно, о местонахождении в тот момент всех действующих лиц. Эта проблема очень важна, потому что только после того, как будет

⁴⁴ Душевное волнение фортегесия передано, как мне кажется, глаголом *ἀναβῶω*, имеющим значение «громко кричать, восклицать, громко оплакивать», а также, возможно, плеонастическим повторением одной и той же фразы *οὐδὲν ἔναί ἐωστέ τι καὶ Μάτασι* (сткк. 7—9).

⁴⁵ Как мне сообщил К. К. Зельин, в тексте дельфийских манускриптов эллинистической эпохи не употреблялись *termini technici* для освобождаемых лиц типа *ἀπελευθερος* или *αῤθεῖς*, но постоянно присутствует термин *ἐλεύθερος*. Это лишний раз подтверждает выдвинутую мной гипотезу. Интересно также, что термин *ἀπελευθερος* за исключением одной горгинской надписи первой половины V в. появляется у авторов и в эпиграфических памятниках только с конца V столетия (см. Ю. В. Андреев, К вопросу о так называемых «вольноотпущенниках» на Крите, ВДИ, 1963, № 4, стр. 117 сл.).

достигнута полная ясность, мы сможем все данные о социально-экономических отношениях столь раннего периода, вытекающие из содержания письма, связать с определенным географическим и историческим районом. Пока мы имеем только одну точку, за которую можно зацепиться, это место находки — Березань. Но факт находки письма в этом месте еще не означает, что остров был пунктом назначения, ведь мы не должны сбрасывать со счетов и возможность того, что письмо вообще могло быть не отправлено. Конечно, естественно прежде всего предположить, что Протагор получил на Березани письмо от отца, развернул его, прочитал, снова свернул (хотя, замечу, этого вовсе не требовалось) и выбросил. Но такому вполне естественному решению противоречит ряд соображений, возникающих прежде всего при анализе второго раздела эпистолы.

Из первой фразы при всех затруднениях совершенно ясно, что отец посылает свою семью в какой-то город ($\acute{\epsilon}\varsigma\ \tau\acute{\eta}\mu\ \rho\acute{o}\lambda\iota\nu$), причем, судя по члену $\tau\acute{\eta}\mu$, хорошо известный как Ахиллодору, так и его сыну. Вероятнее всего предположить, что это и был тот самый город, в котором жил Протагор, Анаксагор с женой, пункт, откуда прибыл Матасий. И вот на каком основании. Во-первых, абсолютно ясно, что все они жили действительно в большом городе, так как даже Матасий имел в нем несколько жилых построек и определенное количество рабов. Во-вторых, судя по тому, что отец употребляет выражение $\acute{\epsilon}\varsigma\ \tau\acute{\eta}\mu\ \rho\acute{o}\lambda\iota\nu$, не упоминая названия этого полиса, складывается впечатление, что он посылает семью откуда-то с периферии в центр. Я думаю, что этот центр ($\rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma$) и был тем полисом, где жил Протагор, иначе Ахиллодор был бы вынужден указать название города, так как не только современному читателю, но даже самому сыну его было бы неясно, посылает ли отец мать и братьев к нему или в какой-то другой город. В противном случае надо предположить, что Протагор знал то, что отец может послать его родственников только в какой-то один город и никакой другой, а это менее всего вероятно.

Если это предположение верно, в таком случае Березань не может быть местом получения письма, так как она никогда не называлась $\rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ (вопросу о названии острова в древности я собираюсь посвятить другую работу). Значит письмо не было отправлено Ахиллодором с Березани, где он находился в тот момент с семьей — он только написал его, свернул, а потом потерял. Последняя гипотеза подтверждается рядом соображений. Анализ двух других писем на свинце (письмо судье и ольвийское письмо 1962 г. мы не принимаем во внимание) показывает, что они тоже не были отправлены. Письмо из Аттики, найденное в Хаидари, адресовано, как доказал А. Вильгельм, в Афины на рынок горшечников⁴⁶. Письмо с Березани, о котором В. В. Латышев писал, как о найденном в Ольвии⁴⁷, адресовалось, очевидно, в Ольвию и также не было отправлено. Об этом можно судить по тому развитому домостроительству, о котором идет речь в документе: адресаты — домочадцы Артикона имеют возможность сменить по крайней мере трех хозяев, сдающих целые дома или комнаты. Ученые недоумевали⁴⁸, чем объяснить такую диспропорцию между количеством упоминаний авторов (правда поздних) — четыре, и числом сохранившихся писем на свинце — теперь пять. И вот разгадка пришла: находка писем на свинце — чистая случайность, если они доходили до адресата, он пускал материал снова в дело; свинец употреблялся в хозяйстве для починки керамики, для грузил, свинцовых разновесов и т. п., наконец, пластинку можно было снова раскатать и написать на ней ответное послание или, например, магическое заклятие. Кстати, последние представляют со-

⁴⁶ J. Wilhelm, Der älteste griechische Brief, стр. 96.

⁴⁷ Латышев, ук. соч., стр. 10.

⁴⁸ См. Wilhelm, Der älteste griechische Brief, стр. 103.

бой полную противоположность письмам на свинце — их писали, а потом клали в определенное место: в могилы, колодцы, источники, храмы и т. д.⁴⁹ Поэтому-то их находят сотнями, а синцовых писем — единицы. Свинец был не такой редкостный металл, как золото или серебро, но все же достаточно ценный. Поэтому при первой возможности его снова пускали в дело⁵⁰.

Итак, что за πόλις упоминается в надписи? Обратимся снова к анализу контекста. Он нам подсказывает прежде всего, что этот город находился где-то поблизости от места отправки (точнее утери) письма. Для такого вывода есть свои основания. Прежде всего ясно, что отец торопился с отправкой письма, поскольку ему нужно было как можно скорее возвратить фортегесия, уведенного Матасием⁵¹. Фортегесий, как я покажу в другом месте, был вероятнее всего торговым агентом Ахиллодора, и последний собирался использовать его для сопровождения своих товаров в данном навигационном сезоне. Если ему не удастся возвратить своего агента, то у него прогорает торговое предприятие этого года, поэтому он и просит Анаксагора разрешить его дело.

Исходя из этих наблюдений, мы берем на себя смелость утверждать, что под выражением ἐς τὴν πόλιν понимался город, в котором жил Протагор, и этим городом был ближайший к Березани полис — Ольвия⁵². Такой вывод подкрепляет ряд других фактов. Во-первых, Везезань уже в VI в. до н. э. была связана тесными экономическими узами с Ольвией; это видно хотя бы по тому, что при большом количестве ранних ольвийских монет, найденных на острове, до сих пор попала только одна иноземная монета — самосская гемидрахма⁵³. В отдельной работе я попытаюсь доказать, что связь Березани и Ольвии были не только экономическими, но и политическими. И наконец, решение вопроса, как мне кажется, предоставляет последнее слово надписи — κατὰβήσεται (стк. 13).

Для того чтобы разобраться в довольно темном контексте этого места надписи, необходимо проанализировать значения данного глагола. Прежде всего надо отметить, что этот глагол движения имеет приставку κατὰ. Соответствующий предлог κατὰ с асс. имеет ряд значений, в частности, для указания распространения, движения сверху вниз, например, вниз с горы, из глубины страны к морю, от центра к периферии, вниз по течению реки и т. д.⁵⁴ Соответствующие направления принимает и глагол движения κατὰβήσεται с асс. Далее надо выяснить, как связан этот глагол в нашем контексте со словом φρούρα. Как известно, в греческом языке многие переходные глаголы благодаря соединению с предлогами ста-

⁴⁹ См. K a g a g o w, ук. соч., стр. 19 сл.

⁵⁰ Например, в известном ольвийском алтаре после реконструкции оставили символически только одну свинцовую скрепу, все остальные были сняты (см. А. Н. К а р а с е в, Монументальные памятники ольвийского теменоса, «Ольвия», М. — Л., 1964, стр. 80).

⁵¹ Интересно сравнить употребление времен в сткк. 1—3: δολῶσαι и ἀδικῆσαι поставлены в праес., а ἀπεστέρησεν — в аог., т. е. Матасий уже лишил отца фортегесия (совершенное действие), но обида и обман еще продолжают. Не хотел ли автор подчеркнуть этим, что он надеется на скорое возвращение лица, в котором он был заинтересован?

⁵² Ольвия называется πόλις у Геродота (IV, 79), т. е. в эпоху, близкую времени составления нашего документа. Кроме того, Геродот говорит (IV, 18), что борисфениты самих себя называют ольвиополитами, т. е. жителями Ольвии-полиса. Другие ближайшие к Березани полисы находились все же на значительном от нее расстоянии, так, по сви детельству того же Геродота (IV, 101), плавание от Борисфена до Истра (т. е. и до полиса Истрии), равно как и до Меотиды (т. е. и до полисов Веспора), длилось 10 дней, что равняется по его системе исчисления 2000 стадиев.

⁵³ См. В. В. Л а п и н, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Киев, 1966, стр. 141.

⁵⁴ См. словари L i d d e l l — S c o t t и Д в о р е ц к о г о — С о б о л е в с к о г о.

повятся переходными и как таковые принимают объект в асс.⁵⁵. Далее, глаголы движения часто связываются с асс., обозначающим цель, место или предмет, на которые направлено движение⁵⁶. Кроме того, мы знаем, что предлог *κατά* + асс. имеет не только пространственное, но и каузально-финальное значение, которое не исключает первое, а только придает ему особый целевой оттенок⁵⁷, например: *κατά ληΐτην ἐκπλώσαντες* (Herod., II, 152), *κατά θείαν ἤκειν* (Thuc., VI, 31), *κατ' ἐμπορίαν ἀπεδήμει* (Lucurg., 58), *ἐξέπεμφεν ἄρα κατ' ἐμπορίαν καὶ κατά θεωρίαν* (Isocr., 17, 4). Итак, учитывая эти две функции предлога *κατά*, надо перевести выражение *ἄσφοδρά κατὰβήσεται*, как «вернется на жертвоприношения», «возвратится для совершения жертвенных обрядов». При этом учитывая, что пункт, куда собрался прибыть Эвневр для принесения жертв, нам известен — это Березань, маршрут его путешествия мог быть только одним единственным — из Ольвии на Березань⁵⁸ (не обязательно водным путем, вполне вероятно, что и посуху). Иными словами, автор не мог бы найти лучшего выражения, чтобы передать, во-первых, цель поездки, а, во-вторых, ее направление: из глубины страны к морю, из центра к периферии, вниз, вдоль по лиману, а именно, из Ольвии на Березань.

Выводы, к которым мы пришли, подтверждает и антропонимия письма. Такие имена, как *'Αναξαγόρης* и *Πρωταγόρης*, весьма типичны для Ионии, встречались и в Ольвии, причем уже в раннее время⁵⁹. Интересно, что и имя *'Αναγόρης* в его варианте ж. р. также встречено, но уже только в Ольвии⁶⁰, может быть, в нашем случае это не описка, а только сокращенная модификация имени *'Αναξαγόρης*, но высказываться на этот счет определенно я не решаюсь. Имена *Εὐνευρος* и *'Αχιλλόδορος* не засвидетельствованы ни в одном справочнике по греческой ономастике (Папе — Бензелер, Бехтель — Фик, Дорнзайф — Хансен, Зольмзен — Френкель, Прайсигке), однако, последнее имя с отчеством *'Αχιλλόδορος Τελεσιχράτης* встречено в Ольвии в наговоре IV в. до н. э.⁶¹. Причем Э. Диль, первый издатель надписи, принимая во внимание культ Ахилла, широко распространенный в этом районе уже с ранней эпохи, справедливо замечает (стр. 50): «имя Ахиллодора мы назвали бы понтийским и даже ольвийским по преимуществу». Таким образом, ономастика еще теснее связывает наше письмо с окружением Ольвии.

Проведенный анализ, как мне кажется, ставит последнюю точку в вопросе об отождествлении упомянутого в надписи полиса с Ольвией. Но для окончательного решения вопроса о месте отправки письма и реконструкции реальной ситуации надо выяснить, с какой целью автор написал последнюю фразу и от кого к кому собирался приехать Эвневр. Мы можем точно установить два факта: 1) к моменту составления письма Эвневр уже пришел к Ахиллодору; 2) он собирался в будущем спуститься из Ольвии на Березань для совершения жертвенных обрядов. Предположим, что отец послал письмо сыну из Ольвии на Березань, и последний получил его там. Казалось бы, все замечательно сходится — сейчас Эвневр в городе, а потом он прибудет на Березань. Но все дело в том, что Эвневр прибудет на Березань уже после того, как сын получит письмо, и тогда нас ставят в недоумение два обстоятельства: 1) в какой связи состоит эта ин-

⁵⁵ См. Kühner, Gerth, ук. соч., I, стр. 300.

⁵⁶ Там же, стр. 311.

⁵⁷ Там же, стр. 477.

⁵⁸ Этой мыслью я обязан В. П. Яйленко.

⁵⁹ *'Αναξαγόρης* (-ης) — 1) сб. «Ольвия», М.—Л., 1964, стр. 151, рис. 21, 2 (VI в. до н. э.); 2) IOSPE I², № 195 (IV в. до н. э.); 3) патронимик — IOSPE I², № 35 (II в. до н. э.). *Πρωταγόρης* — СА, XXVIII, 1958, стр. 78 сл. (V в. до н. э.).

⁶⁰ Голстой, ук. соч., № 13 (V в. до н. э.).

⁶¹ Э. Диль, ИАК, вып. 58, стр. 40 сл.; Голстой, ук. соч., № 63.

формация с указанием о посылке в город семьи Ахиллодора и как она ему противопоставляется; 2) почему отец пишет *αὐτὸς Ἐβνευρὸς* — «сам Эвневр», если раньше в письме Эвневр не упоминался? Последнее обстоятельство можно объяснить только тем, что в момент прочтения письма Протагор должен был иметь Эвневра непосредственно перед глазами, т. е. скорее всего последний и должен был доставить письмо Протагору. Но если мы будем придерживаться первого предположения, то сразу наталкиваемся на противоречие: письмо-то ведь к тому времени уже дошло бы до Протагора, а Эвневр только потом прибыл бы на Березань. А теперь, если мы примем вторую, ранее выдвинутую гипотезу — письмо отправлялось с Березани в Ольвию, не достигло адресата и было потеряно на острове, то все становится на свои места и прекрасно сходится. Отец посылает эпистола сыну с Эвневром и сообщает, что последний, который сейчас (т. е. в момент написания) пришел к отцу, чтобы забрать письмо, еще вернется на Березань. Цель этого сообщения в том, что отец указывая Протагору на возможность передачи ответного послания все через того же Эвневра. Тогда становится понятным и противопоставление второй части этого раздела первой: ведь Ахиллодор посылает семью только в город, а Эвневр прибывает в город, а потом еще и вернется на Березань. Кроме того, лишний раз подтверждается и наше отождествление полиса, упомянутого в надписи, с Ольвией; если исходить из того, что жертвоприношения (*θυσιαί*) совершались в те (*τῆσι*) праздники, на которые Ахиллодор немедленно (*ἐν ἅπτι*) посылает своих домочадцев в город, то Эвневр должен был быстро возвратиться на остров, значит Березань находилась недалеко от этого полиса, т. е. этим полисом была Ольвия.

Надо заметить, что нас могут упрекнуть в том, что сделанные здесь выводы шатки и ненадежны, так как они основаны на гипотезах, презумпциях и реконструкциях. Но мы все же должны возразить, что, во-первых, мы имеем перед собой подлинный документ абсолютной сохранности, который при всех возникающих трудностях требует своей интерпретации. А во-вторых, все приведенные гипотезы и доводы не цепляются друг за друга, выстраиваясь в цепочку, а независимо складываются в единый аргументационный комплекс, который и приближает решение встающих перед нами проблем к максимальной вероятности.

Таким образом, мы предлагаем следующий окончательный перевод текста письма и адреса:

«Протагор! Отец пишет тебе: его (т. е. отца) обижает Матасий, поскольку он (т. е. Матасий) обманывает его и лишил фортегесия. Придя к Анаксагору расскажи, ведь он (т. е. Матасий) говорит, что тот (т. е. фортегесий) — раб Анаксагора, утверждая: „Мое имущество держит Анаксагор — рабов, рабынь и дома“, а тот (т. е. фортегесий) кричит и говорит, что у него нет ничего общего с Матасием; говорит, что он свободен и общего с Матасием нет у него ничего, а что общего у него (т. е. Матасия) с Анаксагором, они знают каждый сам по себе. Это скажи Анаксагору и его жене. Во-вторых, он тебе сообщает: мать и братьев твоих он посылает немедленно, чтобы они на эти (праздники или дни?) прибыли (?) в город, а сам Эвневр, пришедший к нему, вернется для (совершения) жертвенных обрядов». Адрес: «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору».

Итак, мы реконструируем следующую реальную ситуацию тех событий, о которых говорится в письме. Ахиллодор нанимает фортегесия для выполнения работ, связанных с перевозкой его товаров. Но тут к отцу приходит некий Матасий и отнимает у него этого человека. Свои действия он мотивирует тем, что фортегесий якобы его раб, а поскольку сам Матасий заложил свое имущество и в том числе своих рабов Анаксагору, то и фортегесий фактически становится рабом Анаксагора. На все эти заявления

фортегесий отвечает тем, что он вольноотпущенник Матасия, причем отпуск на волю был безусловным, и теперь у него нет никакой зависимости от последнего⁶². Что же касается коммерческих дел Матасия вместе с Анаксагором, то они их знают сами, а его это никак не касается. После такой полемики Ахиллодор, хоть и убежденный в правоте аргументов фортегесия, все же сознает, что у вольноотпущенника могла оставаться какая-то зависимость от его бывшего господина, поэтому он не требует у Анаксагора отдать ему фортегесия (ставшего теперь его рабом) или заставить сделать это Матасия, а просто просит его разобраться во всем этом деле, чтобы восстановить справедливость. Только таким, на основании всей высказанной аргументации, мне кажется действительный ход событий, описанных в первом разделе письма Ахиллодора.

Во втором разделе сообщается, что сразу вслед за отправлением письма отец посылает в этот же город (по моему мнению, в Ольвию) свою семью — жену и сыновей, очевидно, на какие-то праздники⁶³. А Эвневр, который должен был доставить письмо адресату, в скором времени собирался снова вернуться на Березань, поэтому Протагор мог передать с ним ответное послание.

В заключение мы хотим сказать, что представленная работа составляет лишь собственно публикацию — начальный, предварительный этап исследования. И если этим интереснейшим документом заинтересуются широкие круги специалистов-антиковедов, принимая или отвергая сделанные здесь выводы, то мы считали бы это самым большим успехом работы.

A GREEK LETTER FROM BEREZAN

by Yu. G. Vinogradov

In the summer of 1970, when the Berezan archaeological expedition was at work on the island, the author made an interesting find: an ancient Greek letter inscribed on lead. The letter was found by chance in the face of a high bank along the shore. The lead tablet on which it was written (153 × 65 × 1 mm.) had been rolled up in scroll form with the direction written on the scroll. The find was taken to the Hermitage, unrolled and very skilfully restored. The document is in an excellent state of preservation (not a letter is missing in the 13 lines of text and three of the direction) and is very rare of its kind: this is the fifth, and the earliest, Greek letter inscribed on lead to have been found to date. Of the others three come from Olbia and Berezan, the fourth from Attica. On palaeographic, linguistic and archaeological grounds our letter may be assigned with certainty to the second half of the VI century B. C. It is written in the archaic Ionic dialect, whose many peculiarities are richly represented on epigraphical monuments from the North Black Sea coast and Ionia. With the help of this new sample the author makes several observations on the development of the Ionic dialect in general and in particular of its North Pontic variant.

The text of the letter presents several difficulties which make it impossible to arrive at one firm interpretation: (1) the archaic dialect allows of more than one meaning for

⁶² Возможно, что первый раз слова фортегесия, что «у него самого нет ничего общего с Матасием», должны доказывать незаконность действий Матасия вообще, а второй раз (после слова *ἐλευθερος*) — специально подчеркивать безусловный отпуск на волю.

⁶³ Домочадцы Ахиллодора отправлялись в город, несомненно, после доставки письма, а не вместе с ним, ибо в таком случае об этом не надо было писать сыну. Писалось только о том, что случилось или что произойдет, именно поэтому отец не пишет, что письмо доставит Эвневр. Протагор и так узнал бы об этом.

several of the words used; (2) one word which is crucial to the interpretation of the text as a whole (τὸ φορτηγείσιον) has not been found elsewhere; (3) the letter is written in the third person, which makes it rather hard to know who makes (or is reported to have made) which of various statements. The author proposes the following interpretation. The letter, which is addressed by Achillodoros to his son and to Anaxagoras, has two parts. In the first Achillodoros complains, through his son, to Anaxagoras that a certain Matasys has fraudulently deprived him of a φορτηγέσιος, which must be something on the order of a commercial agent. Achillodoros reports what Matasys said about this and also the counterassertions of the *phortegesios*. The second part of the letter refers to family matters: Achillodoros writes that he has for some purpose sent his wife and other sons to the city, and that a certain Euneuros is to come to him to take part in a sacrifice.

Analysis of all the available letters inscribed on lead tablets suggests that most of them did not arrive at their destination and were for this reason preserved. This in turn may explain why only five such letters have been found, though the practice of sending them was common enough to have been mentioned four times in extant literary sources. Study of the text and onomastic content of the new Berezan letter led the author to suppose that it was addressed from Berezan to Olbia, though it never got there.

The conclusions reached in the present article represent only the first stage of a full investigation of this extremely interesting epigraphical monument.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. ШОБАНОВА